

АГНИЯ СКАЗКА
ХЕЛЕН ГУДА

ТЫШЕЧКА
для арка

Хелен Гуда

Пышечка для орка

«Литнет»

2026

Гуда Х.

Пышечка для орка / Х. Гуда — «Литнет», 2026

Сказала «хоть орк, лишь бы честный» — получите! Меня использовали и выбросили, как салфетку. В отместку я устроила бывшему грандиозный скандал с едой и загадала желание найти честную любовь. Да хоть с клыками! И мое желание сбылось, теперь я в магическом мире, а на руку и самое главное сердце претендует зеленый великан. И что мне делать? В тексте есть:- попаданка с характером и пышной фигурой- орк- зеленый и большой- ХЭКнига пишется в рамказ литмоба "ПЫШНЫЕ ПОПАДАНКИ"

© Гуда Х., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог.	5
Глава 1.	14
Глава 2.	18
Глава 3.	23
Глава 4.	27
Глава 5.	32
Глава 6.	36
Глава 7.	40
Глава 8.	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Пролог.

– Каролина, ну ты же понимаешь, что мы с тобой не пара? – и взгляд у Марка такой, словно бы он на дурочку смотрит, которая поверила что он “красавчик всея офиса” снизошел до меня.

– Не понимаю, – очень хотелось сказать, “да, понимаю” и закрыть этот унижительный разговор, но я действительно не понимала, и решила в кои то веки перестать прятаться от правды. Пусть он скажет мне в лицо, чем я ему не подхожу.

– Ну вот сколько ты вешишь? – и парень приподнял бровки домиком, чем сделал выражение лица еще более снисходительным. – Девяносто? Сто?

– Какое это имеет значение? – я стараюсь протолкнуть в горло ком из непрошенных слез.

– Будет прикидываться дурочкой и делать вид что не понимаешь? – вдруг разозлился мужчина.

– Я действительно не понимаю, – вынуждаю Марка показать свое истинное лицо и сказать все прямым текстом.

– Хорошо, хочешь так, – разозлился окончательно собеседник, – тогда слушай. Ты толстая!!!

— Я такая и была, когда мы познакомились. И тебя всё устраивало, — проговорила я, и всё вдруг встало на свои места. Паутинка лжи, которую я не замечала три месяца, теперь висела передо мной, тяжелая и липкая. — Подожди. Ты ведь начал ухаживать сразу после того, как узнал, что я вхожу в комиссию по отбору кандидатов на должность начальника отдела логистики. Не так ли?

Марк замер. Его снисходительная улыбка съехала с лица, будто её сдуло ледяным сквозняком. Глаза метнулись в сторону, к барной стойке, будто ища спасения в мирно стоящем там официанте. Он поправил идеальный узел галстука.

— Ну, Каролина... Дело не только в этом, — начал он, но голос уже потерял ту бархатную уверенность, что звучал в нём все эти недели.

— Только в этом, — перебила я. Три месяца. Цветы на столе, «случайные» встречи у кофемашины, его восторженные взгляды на мои (как мне казалось) остроумные шутки. Он напоминал, какой я люблю кофе, и ненавидел фильмы про супергероев. Он был идеален. Слишком идеален. — Ты влюблял меня в себя по расписанию. Как проект. «Операция: Получение рекомендации от Каролины». Успешно завершена, должность твоя. А я... я больше не нужна.

— Не драматизируй, — он сделал глоток воды, и я заметила, как дрогнула его рука. — Мы хорошо провели время. И... мы можем остаться друзьями. Коллегами. Без лишних сцен.

Слово «друзья» прозвучало так оскорбительно, что я чуть не рассмеялась. Вместо этого я откинулась на спинку стула, оглядывая этот претенциозный ресторан с его приглушённым светом и тихим перезвоном бокалов. Он специально выбрал публичное место. Чтобы не было сцен.

— Друзьями, — повторила я с лёгкой, почти воздушной интонацией. — Марк, я, честно говоря, сегодня думала, что ты пригласил меня сюда, чтобы на коленку встать и предложить руку и сердце. А ты... ты пригласил меня, чтобы сообщить, что я — исчерпанный ресурс.

Он наконец поднял на меня взгляд. И в нём не осталось ни капли нежности, только холодный, расчётливый цинизм.

— Каролина, дорогая, — сказал он, и в его голосе зазвучала та самая ядовитая снисходительность, от которой сжимается сердце. — Ты в зеркало на себя смотрела? Серьёзно? Кто на тебе женится? Разве что орк, но Шрек уже занят.

Воздух вокруг стал густым, как сироп. Обида, стыд, ярость — всё это клокотало внутри, требуя выхода. Но вместо того чтобы расплакаться, я почувствовала, как углы губ сами собой поползли вверх. Ирония ситуации была слишком великолепна.

— Знаешь, Марк, — произнесла я задумчиво, беря в руки свой бокал с дорогим, ныне абсолютно безвкусным, напитком. — Думаю, даже орк был бы джентльменом по сравнению с тобой. У него хоть кодекс чести какой-никакой есть. Непритязательный, но есть.

Его лицо исказилось. Он явно ожидал слёз, униженного шёпота, а не саркастических сравнений с мифическими тварями.

— Ну и ладно! — буркнул он. — Главное — результат.

— Результат, — кивнула я. — А скажи, раз уж результат достигнут, зачем такие траты? — Я обвела рукой зал, указывая на скатерть, хрусталь, изысканные блюда, которые я почти не тронула. — Дорогой ресторан... Романтическая атмосфера. Это что, финальный бонус в твоём «проекте»? Или... — меня осенило. — Ах да. Ты просто не хотел сцен. Слёз. Скандала в кабинете или у подъезда. Здесь я буду вести себя прилично. Так?

Он молчал. Ответом было его молчание. И это молчание было громче любого «да».

— Ох, Марк, Марк, — покачала я головой с искренним, почти материнским сожалением. — Ты так плохо меня изучил за три месяца. Ты действительно думаешь, что я не устрою сцену?

В его глазах мелькнул первый проблеск тревоги.

— Кароли... не надо...

— Надо, — мягко сказала я. — Очень надо.

Медленно, не торопясь, чтобы он успел всё осознать, я подняла свой бокал. Дорогой напиток плеснулось у самого края.

— За твой карьерный рост, Марк! — провозгласила я достаточно громко, чтобы пара за соседним столиком обернулась.

И вылила ему содержимое бокала прямо на безупречную причёску. Холодная жидкость потекла по его лбу и щекам, капая на белоснежную рубашку.

Он ахнул, замер, глаза вылезли на лоб от неожиданности. Вокруг воцарилась тишина, нарушаемая только тихой музыкой из колонок.

— И за нашу прекрасную дружбу! — добавила я с сияющей улыбкой, хватаясь за его полный стакан с минералкой со льдом и отправляя и её в то же русло.

Но и этого было мало. На столе передо мной лежали остатки изысканного десерта — нечто воздушное, кремовое и ягодное. Совершенно не пригодное для метания, но разве это меня остановит? Рука сама потянулась к тарелке.

— Это от души! — весело сообщила я и с чувством, с толком, с расстановкой, шлёпнула ему этим кремово-ягодным мессиво прямо в центр дорогого галстука.

Теперь он был шедевром. Абстрактная композиция «Карьера ценой любви» в воде и малиновом соусе.

Вокруг раздалась сдавленные смешки, кто-то ахнул, официант замер в нерешительности. Марк сидел, облепленный едой и напитками, с лицом, выражавшим всю гамму эмоций от шока до ярости. Он был нем, как рыба. И так же красноречив.

Я встала, отряхнула ладони о салфетку, взяла свою сумочку. Окинула его с ног до головы долгим, оценивающим взглядом.

— Знаешь, а для орка ты и правда был бы неплохой добычей, — заметила я задумчиво. — Мог бы клыками галстук почистить. Ну, всё. Сцену, как ты и хотел, свели к минимуму. А дружбу нашу... пусть её отмоет химчистка. Удачи на новой должности, Марк. Обещаю, мне будет очень интересно наблюдать, как долго ты на ней продержишься.

И, гордо выпрямив спину, под всеобщим взором восхищённых, шокированных и просто любопытствующих посетителей, я направилась к выходу. Не оборачиваясь. За спиной стояла

гробовая тишина, которую вдруг разорвал одинокий, сдавленный смешок бармена. Это был самый сладкий звук на свете.

Дверь ресторана закрылась за мной с тихим щелчком. Ночной воздух пах свободой. И чуть-чуть — подгоревшим кремом.

День рождения — отличный день, чтобы получить ценный подарок: освобождение от иллюзий, сувенирный синяк на самооценке и виртуальную порцию мороженого «Пломбир с дерзостью» от подруг. Хотя нет, от липкой жалости в их глазах мне хотелось закутаться в плед и смотреть бесконечные сериалы, но они притащили меня в наше любимое кафе силой. И, как оказалось, правильно сделали.

Мы сидели за угловым столиком, и я, методично протыкая вилкой невинный чизкейк, выложила им вчерашнее ночное шоу под рабочим названием «Ужин с альфонсом, или История одного предательства».

— И что, он ПРАВДА предложил остаться друзьями? — ахнула Оля, ее глаза округлились, как два блюда с синим узором. Она всегда была нашей совестью в юбке-карандаш. — После всего этого... этого цирка в ресторане? После того как ты его... эм... искупала?

— Не просто предложил, — с важным видом отпила я латте, изображая его бархатный, пропитанный самовлюбленностью тон. — Он изрёк это с таким благородным видом, будто жаловал мне титул герцогини Сопливой и поместье в болотах. «Мы можем остаться коллегами, Каролина, без лишних сцен». Представляете? Я, оказывается, должна быть польщена таким великодушием. Это вам не «давай останемся друзьями», это уже «давай останемся винтиками в одном механизме, только ты покруче».

— Ну ты даешь, Кароль! Вылила на него весь бар?! — Аня, наша главная бунтарка с розовыми волосами и татуировкой единорога на запястье, сияла от восторга. — Я б ещё стейк ему в лоб запустила! Под соусом «Песто»! И салат «Цезарь» за шиворот! Чтобы хрустело при каждом шаге!

— Стейк был уже съеден, к сожалению, — с драматическим вздохом призналась я. — Он его уплетал с таким видом, будто завоевывал трофей. Пришлось импровизировать с десертом. Думаю, он теперь до конца дней будет морщиться при слове «тирамису» и смотреть на ягодный соус как на личного врага. У него, наверное, развилась пищевая травма.

Подруги дружно захихикали, но в их смехе, как изюм в булке, застряли комочки той самой, сладкой и липкой жалости. От нее мне хотелось сжаться в комочек и провалиться под стул, прикинувшись забытой сумочкой.

— И что теперь? — спросила Оля, осторожно, как будто касалась синяка. — Ты пойдешь к Леониду Петровичу? Расскажешь, какой Марк... гм... карьерист-манипулятор-гаденыш?

Я покрутила ложкой в воздухе, глядя, как тают сливки на моем пирожном. Это было гипнотизирующее зрелище — гораздо приятнее, чем вспоминать лицо Марка в малиновом соусе. — Нет. Не пойду.

— Как нет?! — возмутилась Аня, хлопнув ладонью по столу так, что наши чашки подпрыгнули. — Да его надо выставить на мороз! Пусть знает, что с такими как ты не шутят! Пусть моет туалеты в нашем же офисе! Я лично прослежу!

— Он и так знает, — пожала я плечами. — Знает, что я знаю. И этого ему хватит на ближайшую вечность унизительных взглядов в лифте и шепота за спиной. Представляешь, каждый раз, когда он будет поправлять галстук, он будет вспоминать мой кремовый «автограф». Вечное напоминание. А к боссу я не пойду, потому что, хоть Марк и первоклассная сволочь, но логист он — блестящий. Я бы и так его рекомендовала на эту должность. Он три месяца зря парился, строил из себя принца на белом мерседесе... тьфу, на белом скакуне. — Я отставила чашку с характерным стуком. — Я не Марк. Я умею отделять тараканов в чужой голове от профессиональных навыков. Пусть себе сидит в своем новом кожаном кресле и давится им. У него теперь отличный стимул работать еще лучше, чтобы никто не усомнился, что он получил повышение

по заслугам, а не по моей наивной протекции. Его карьера теперь будет моим личным мерилom успеха: чем выше он взлетит, тем сильнее будет его мучить мысль, что он всем обязан моей рекомендацией. Это изысканная месть, понимаете? Я просто отпускаю его... вверх.

Наступила тихая пауза. Оля смотрела на меня с уважением, смешанным с легким ужасом. Аня – все еще с легким непониманием, но уже без желания немедленно идти жечь кабинет.

– Сильная ты, – наконец выдохнула Оля. – И опасная. Я бы, наверное, спалила бы ему всю карьеру к чертям, а ты... ты подкладываешь ему угольки в топку его же успеха. Ледяная.

– А я вот не хочу быть такой, как он, – просто сказала я. – Мстить в лоб, опускаться до его уровня — это скучно. Это как обмениваться оскорблениями с попугаем: шумно, бесперспективно, и в итоге вся квартира в перьях. Лучше я буду пить с вами этот прекрасный, горьковатый кофе.

– Ну и правильно! Забудь этого... этого... – Аня замялась, яростно перебирая в голове все приличные и не очень эпитеты.

– Орка? – услужливо подсказала я, и мы все трое вдруг фыркнули, как перегруженные паровозики.

– Да! Орка! – подхватила Оля, давась смехом. – Он же тебе сказал, что на тебе только орк женится! Прямо так и сказал!

– Ну, я так понимаю, в его вселенной Шрек — это эталон успешного и семейного зеленого мужчины, – с грустной иронией добавила я. – Жаль, что у меня другие вкусы. Даже в орках. Мне бы, знаете ли, чтобы не только силуэтом на закате был хорош, но и чтобы посуду за собой мыл.

– Дурак он, Кароль, – серьезно сказала Аня, кладя свою руку, украшенную серебряными кольцами, поверх моей. – Полный, круглый, квадратный дурак. Ты заслуживаешь принца. Не из диснеевской сказки, а самого что ни на есть настоящего. Который принесет тебе не хрустальную туфельку, а теплые тапочки и чашку какао, когда ты устанешь.

В этот самый момент, словно по заказу к нашему столику подошла официантка. В ее руках был маленький, но до невозможности нарядный тортик, увенчанный одной-единственной свечкой в виде хрупкой розы.

– От нашего заведения имениннице! С днем рождения! – улыбнулась она сияющей, профессиональной улыбкой.

Мы заплодировали, привлекли внимание соседних столиков, и мне на секунду стало неловко, а потом — очень тепло. Я посмотрела на это маленькое, трепещущее пламя, отражавшееся в глазури темного шоколада. Год назад, на прошлый день рождения, я бы, наверное, загадала встретить мужчину своей мечты. Высокого, успешного, в идеально сидящем костюме и с обаятельной улыбкой, как из рекламы кредитов. Теперь это желание казалось мне таким же пустым, липким и искусственно-сладким, как вчерашний десерт на отутюженном галстуке Марка.

Я сделала глубокий вдох, вбирая аромат кофе, свежей выпечки и поддержки двух самых лучших на свете подруг. Оля и Аня смотрели на меня с теплой, чуть печальной улыбкой. «Главное, чтобы хороший человек, – подумала я, глядя на огонек. – Честный. Порядочный. Который не играет в шахматы твоими чувствами. Который не считает сантиметры на талии и нули на банковском счете. Пусть даже... он будет зеленый орк.»

И я задула свечу. Теплый воск пах медом и надеждой. Мысленно я произнесла желание, но потом решила, что тишина — не мой конек сегодня. И сказала вслух, чтобы подруги слышали сквозь наш смех и всеобщие поздравления:

– Хочу встретить свою любовь. Настоящую. И плевать, орк он, гоблин, тролль или просто инженер из соседнего отдела с вечной котлеткой в бороде. Лишь бы сердце было на месте, а слово – крепче гранита. И чтобы с чувством юмора было все в порядке. А то я, кажется, уже испорчена пагубным пристрастием поржать от души.

– Ура! – крикнули девчонки, звеня ложками о бокалы. – И чтобы клыками галстуки не чистил! – добавила Аня, и мы снова залились беззаботным смехом, от которого дрожал стеклянный столик.

Это был хороший день рождения. Горьковато-сладкий, как этот шоколадный торт, но настоящий, наш, пропитанный дружбой и решимостью двигаться дальше. Мы просидели еще час, болтая о ерунде, и мир снова начал казаться цветным, а не черно-белым, как вчерашний костюм Марка.

А когда вечером я вернулась домой, в свою пустующую, но такую уютную и безопасную квартиру, меня ждал сюрприз. Не цветы от тайного поклонника с анонимной открыткой. И не смс с извинениями от неизвестного номера (хотя мозг тут же услужливо подсунул картинку: Марк, весь в пятнах, пишет мне с фальшивой симки). Нет.

На полу, прямо посреди комнаты, на моем любимом ворсистом ковре, лежал странный, грубо обработанный камень. На нем были высечены какие-то загадочные, угловатые руны, которые светились слабым, едва уловимым изумрудным светом. Утром этого камня точно не было. Воздух в комнате пах не привычными ароматами дома — кофе, книгами, моим любимым лаймовым освежителем.

Он пах озоном после грозы, сырой землей, сосновой хвоей и... чем-то диким, незнакомым, мощным. Как будто кто-то только что распахнул окно не в соседний двор, а в дремучий, древний лес, полный тайн и других, совсем не городских, законов. И этот запах был куда интереснее любого парфюма. Я взяла в руки этот камень и ощутила, что проваливаюсь в какой-то водоворот, что возник под ногами. От страха я зажмурилась и прижала руки к лицу, но забыв что у меня в одной руке камень, я с силой шибанула себя на лбу и отключилась.

Выбираем как же выглядят наши герои

Глава 1.

Открыв глаза, первое, что я ощутила, была пульсирующая боль в виске. Я непроизвольно поморщилась, поднесла руку ко лбу и наткнулась на знакомый шероховатый край камня, все еще зажатого в ладони. Но ощущения были... другие. Не гладкий ворс ковра, а что-то прохладное и упруго мягкое. Трава.

Я резко села. Мир вокруг был не просто другим. Он был *зеленым*. Не в переносном, а в самом что ни на есть буквальном смысле. Мягкий, рассеянный свет струился сквозь гигантские, причудливые листья, похожие на раскрытые ладони древних исполинов. Воздух, густой и влажный, пах так, как пахло с того камня, только в тысячу раз сильнее: хвоя, прелая листва, сырость мха и дикий, непередаваемый аромат цветущих растений, которых я никогда не видела.

И тут я заметила их. Не сразу, потому что их зеленовато-серый, местами в веснушках, цвет кожи отлично сливался с игрой света и тени в листве. Они стояли полукругом, в пяти шагах от меня, и смотрели. Шестеро. Нет семеро! Дети.

Но какие дети!

Коренастые, крепко сбитые, будто вырубленные из цельного куска дуба. Уши... уши у них были чуть заостренными кверху и подвижными, как у настороженных котят. Сквозь взъерошенные, темные или рыжеватые волосы проглядывали маленькие, но вполне отчетливые бугорки на лбу — зачатки... рогов? А из-под пухлых губ у самых крупных мальчишек торчали аккуратные, пока еще молочные клыки. Их одежда была простой, из грубых натуральных тканей и меха, но сшита с какой-то практичной, незамысловатой аккуратностью.

Я застыла, отползла задом к дереву и вжалась спиной в его ствол, у которого оказалась. Это был галлюцинаторный бред. Сотрясение мозга от удара камнем. Кошмар наяву. Я крепко зажмурилась, потерла кулаками глаза до цветных кругов и снова открыла.

Они никуда не делись. Только приблизились на пару шагов, не нарушая полукруг. Самый смелый, мальчуган лет десяти (если судить по человеческим меркам роста, но по мощи телосложения — лет четырнадцать), с вихрастой рыжей шевелюрой и веснушками на самой переносице, выступил вперед.

— Ты кто? — спросил он. Голос был низковатым для ребенка, хриловатым, но без агрессии. С любопытством. — И откуда упала? С неба?

Я попыталась что-то сказать, но из горла вырвался только хрип. Я сглотнула комок дикого, первобытного страха, смешанного с абсурдом происходящего.

— Каролина, — выдавила я наконец. Голос прозвучал чужим, тонким и слабым в этом полном жизненных сил лесу. — Меня зовут Каролина. Я... я из Москвы.

Имя города прозвучало здесь так же нелепо, как если бы я сказала «из космоса» или «из сна». Дети переглянулись. Рыжий мальчик хмыкнул.

— Не слыхали про такую. Это далеко, наверное?

— Очень, — честно прошептала я, чувствуя, как подкатывает истерика. Очень далеко. В другой вселенной, судя по всему.

— А зачем пришла? — спросила девочка поменьше, с косичками, заплетенными из темных немного непослушных волос. В ее широко распахнутых, янтарного цвета глазах читалось не столько опасение, сколько жгучий интерес.

«Меня принес камень», — хотелось сказать. Но это звучало еще безумнее. Я разжала ладонь и показала им тот самый камень с рунами. Их свет теперь был не слабым, а уверенным, теплым, пульсирующим в такт моему бешено стучащему сердцу.

При виде камня дети ахнули, и в их глазах мелькнуло что-то большее, чем простое любопытство. Почти... уважение? Или опаску?

— Руны-зовницы, — с серьезным видом изрек рыжий мальчишка, кивнув. — Значит, не просто так. Пойдем. Староста разберется. Он мудрый. Он все знает.

«Староста». Слово прозвучало как якорь в этом бушующем море нереальности. Хоть какая-то структура, порядок. Власть, которую можно призвать к ответу.

Мне помогли встать. Мои ноги подкашивались, но не от слабости, а от шока. Руки детей, взявшие меня под локти, были крепкими, надежными, шершавыми от мелких ссадин и работы. Они вели меня по лесной тропинке, петлявшей между исполинских корней и цветущих папоротников. Дети шныряли вокруг, как щенки, то показывая на меня пальцами и шепчась, то защищая от низко висящих веток своим телом.

Я шла, механически переставляя ноги, сжимая в потной ладони теплый камень. В голове гудел один безумный, навязчивый вопрос, заглушающий все остальные.

«Неужели... я так буквально загадала?»

Тропинка внезапно вывела нас на свет. Не на яркий солнечный, а на теплый, золотистый, что пробивался сквозь прорехи в густом пологе листвы и падал на... деревню.

Я замерла на краю поляны, и рыжий мальчишка, которого звали, как я успела выяснить, Гром, идеальное имя, важно выпрямился, указывая рукой вперед.

— Наш дом. Деревня Крепкий Корень.

Это не было похоже ни на что, виденное мной в кино или на картинках. Никаких жалких лачуг с соломенными крышами. Дома, вернее, большие, основательные срубы из темного, смолистого дерева, стояли не в строгом порядке, а как будто выросли здесь сами — кто у подножия огромного, седого валуна, кто вокруг векового пня, превращенного в цветник с яркими, невиданными цветами. Крыши были не из соломы, а из широких, плотно уложенных плиток темного сланца или из живого, стелющегося по каркасу мха. Из каменных труб вился дымок, пахнувший не просто дровами, а чем-то сладковатым, пряным.

Между домами сновали взрослые. И да, они были... орками. Высокими, широкоплечими, с могучей мускулатурой, проступающей даже сквозь простые туники и штаны из плотной ткани. Кожа — все оттенки оливкового, болотного, серо-зеленого, у некоторых покрытая сложными, будто шрамы-украшения, татуировками. Рога — у кого маленькие, аккуратные, у кого — внушительные завитки, увенчанные медными накладками. Клыки. Взгляды.

Именно взгляды обрушились на меня волной. Не враждебные. Не агрессивные. Скорее... оценивающие. Пристальные, без тени стеснения. Я ловила на себе десятки пар глаз: янтарных, темно-карих, изумрудно-зеленых. Женщины, растиравшие в каменных ступах зерно, замерли, уставившись. Мужчина, точивший огромный топор на вращающемся круге, остановил работу, и его взгляд, тяжелый и внимательный, скользнул по моей городской куртке, джинсам и, задержался, на моем лице. Дети, игравшие у ручья, перестали шуметь и уставились, открыв рты.

Но никто не подошел. Никто не окликнул. Они просто смотрели, как на редкое, не совсем понятное, но явно важное явление. А мои юные провожатые вели себя так, будто несли древнюю реликвию. Гром шагал впереди, выпятив грудь, его товарищи окружали меня плотным кольцом, отсекая любую потенциальную попытку взрослых приблизиться. Их важность была почти смешной, если бы не давила осознанием того, что я и вправду стала для них «трофеем» — живым, дышащим доказательством их лесной находки.

Нас провели через всю деревню к самому большому дому, стоявшему у подножия скалы, из которой бил родник. Дверь была низкой и широкой, украшенной резьбой с изображением сплетенных корней и гор. Гром не постучал, а издал низкое горловое урчание, и дверь отворилась.

Внутри пахло дымом, сушеными травами, старой кожей и... спокойствием. У очага, сложенного из речного камня, в глубоком кресле, больше похожем на трон, вырезанный из цельного корневища, сидел он. Староста.

Он был древним. Его кожа, темная, как потрескавшаяся кора старого дуба, была испещрена глубокими морщинами, каждая из которых казалась летописью прожитых зим. Рога, некогда, должно быть, величественные, теперь были причудливо изогнуты временем и увенчаны простыми деревянными вставками. Но глаза... Глаза, цвета темного меда, глядели на меня не с старческой мутью, а с пронзительной, всевидящей ясностью. В них читалась такая глубина, что мой комок страха на мгновение замер, уступив место странному почтению.

— Привели, — голос старосты был тихим, похожим на шорох сухих листьев, но он заполнил собой всю комнату. — Оставьте нас.

Дети, немного поумерив свою важность, неохотно покинули дом, закрыв дверь. Я осталась стоять посреди помещения, чувствуя себя голым экспонатом под этим изучающим взглядом.

— Садись, дитя иного мира, — он кивнул на грубую, но прочную табуретку напротив. — И покажи, что принесла в своей дрожащей руке.

Я машинально разжала ладонь. Камень с рунами лежал на ней, его свет теперь казался ровным, почти домашним в свете очага. Староста протянул руку — огромную, с узловатыми, но удивительно аккуратными пальцами. Я положила камень ему в ладонь. Он взвесил его, повертел, провел подушечкой большого пальца по гравировке.

— Руны-зовницы, — подтвердил он слова Грома. — Древняя магия. Она не зовет просто так. Не приводит в наш мир случайных пылинок из иных ветров. Она находит... нужное. То, что потеряло связь со своей собственной почвой и должно укорениться в новой.

— Я... я не понимаю, — голос мой снова сорвался на шепот. — Я просто загадала желание. Дурацкое, от злости и обиды. Я не хотела...

— Желание — это ключ, — перебил он мягко, но не оставляя пространства для возражений. — Камень — дверь. А место, куда привела дверь... оно всегда настоящее. Ты говорила, откуда ты?

— Из Москвы. Это город, очень далеко.

— Не в расстоянии дело, дитя, — он покачал головой, и его рога отбросили на стену причудливые тени. — Ты из мира, где корни тонки, а камни молчат. Где люди строят гнезда из камня и стекла, а не из дерева и памяти земли. Твое место там кончилось. Оно иссякло, как ручей в засуху. Иначе камень не ответил бы на твой зов. Он нашел для тебя почву. Вот эту.

От этих слов у меня перехватило дыхание. «Место кончилось». Разве не так я сама чувствовала последние месяцы? Ощущение пустоты, бега по кругу, будто я актер, застрявший в чужой пьесе.

— Я не могу здесь остаться, — попыталась я возразить, но звучало это жалко, без веры. — У меня там работа, друзья, квартира...

— Что ты оставила позади? — спросил он, глядя мне прямо в глаза. — Сердце? Или рану, которую пытаешься не замечать? Камень зовет не от хорошей жизни. Он зовет к жизни новой.

Я молчала. Что я оставила? Карьеру, которая превратилась в рутину? «Друзей», общение с которыми стало сводиться к жалобам на мужчин? Пустую квартиру, в которой эхо громче, чем смех? Марка с его малиновым соусом на лице — последний, яркий, но такой горький акт в спектакле под названием «Моя прежняя жизнь».

— Пути назад нет, — сказал староста окончательно, и в его голосе не было жестокости, а лишь констатация закона, подобного закону тяготения. — Портал, что принес тебя, закрылся. Камень теперь просто камень. Он исполнил свое назначение.

Он протянул камень обратно мне. Он был холодным и инертным.

— Ты можешь идти куда глаза глядят, — сказал старик. — Лес велик, и не все в нем дружелюбны. А можешь остаться здесь. В Крепком Корне. Пожить. Присмотреться. Попробовать понять, почему руны выбрали именно это место для тебя. Мой дом велик для одного старого

пня. Комната у очага будет твоей, пока не решишь, куда направишь стопы. Или пока корни не прорастут.

Он снова откинулся в кресле, и его взгляд ушел в пламя очага, будто наш разговор был исчерпан. Решение было за мной. Идти в незнакомый, пугающий лес одной или принять странное, нелепое приглашение древнего орка.

Я посмотрела на холодный камень в руке, потом — на теплый, живой свет, лившийся из открытой двери, на кусочек деревни, где дети с клыками играли у ручья, а женщины с рогами смеялись, развешивая полотно. Это был не диснеевский мир. Он был грубым, реальным, пахнущим землей и дымом. И в этой реальности, странным образом, было больше честности, чем в блестящем фальше моего прошлого.

— Я... я останусь, — тихо сказала я. — На время. Пока не пойму.

Староста не повернул головы, лишь уголок его рта, скрытого седой бородой, дрогнул в подобии улыбки.

— Время — понятие растяжимое, дитя. Добро пожаловать в Крепкий Корень. Меня зовут Торваг. А теперь иди, умойся у родника. Дорожная пыль с иных миров — самая едкая.

И я вышла. На порог уже сновала орчиха лет пятидесяти, с добрым, умным лицом и фартуком, полным кореньев. Она кивнула мне, без лишних слов взяв за локоть.

— Я Граха, — сказала она. — Помогу обустроиться. Не бойся, у нас хоть и не твой мир, но спать мягко и есть сытно научились.

И повела меня к роднику, под пристальные, уже чуть менее настороженные, а более заинтересованные взгляды деревни. Пути назад не было. Было только «сейчас». И пахло оно не выхлопными газами и кофе из бумажного стаканчика, а влажным мхом, дымом и — да поможет мне кто-нибудь — свежеспеченным хлебом, который несла из печи другая орчиха. Жизнь, пусть и зеленая, клыкастая и совершенно безумная, продолжалась.

Глава 2.

Первые дни в доме Торвага напоминали сон наяву. Я просыпалась от запаха тлеющих в очаге поленьев с добавлением сушеных ягод — оказывается, так они очищали воздух. Спала я в небольшой комнатке за звериной шкурой, служившей занавесом. Постелью была глубокая деревянная платформа, застеленная овчинами и плотными, грубо ткаными покрывалами из шерсти местных козлоподобных существ — крунгов. Неожиданно уютно.

Граха стала моей проводницей в быт деревни. Она не задавала лишних вопросов, но внимательно наблюдала, подмечая, что вызывает у меня трудности. Первым испытанием оказалась еда. Не то чтобы она была невкусной — наоборот, густые похлебки с кореньями и мясом, плотные лепешки из зерна кары (нечто среднее между гречкой и ячменем), соленые грибы, странные сладкие плоды, растущие на нижних ветвях великанов-деревьев — все было сытно и... тяжело для моего желудка. Но есть пришлось общими черпаками из общего котелка, а мясо — рвать руками или отрезать своим ножом. Мои первые неуклюжие попытки вызвали у Грахи лишь добродушное фырканье.

— Вот, держи, — на третий день она вручила мне личный набор: резную деревянную миску, ложку из рога и небольшой, но невероятно острый нож в простых кожаных ножнах. — Свои инструменты — начало своего пути.

Этот простой жест тронул меня до глубины души. Это был не подарок из вежливости, а акт признания: ты будешь здесь не день, не два. Тебе понадобятся свои вещи.

Торваг наблюдал за мной молча, как старая мудрая сова. Его присутствие было спокойным и ненавязчивым. Он мог часами сидеть у очага, что-то чиня, или просто смотреть в огонь, но я чувствовала, что он все видит и слышит. Через неделю, когда я уже более-менее освоилась с распорядком дня (вставала с солнцем, ложилась вскоре после заката), он призвал меня к столу, на котором лежали несколько пергаментов, заточенный уголь и плоская дощечка с вырезанными углублениями.

— Ты говоришь на нашем наречии, — начал он без предисловий. — Слух улавливает слова, смысл улавливает разум. Но дух народа, его история и мудрость — живут здесь. — Он провел узловатым пальцем по пергаменту, где затейливо сплетались строки рунического письма.

Я смущенно призналась, что не только не умею читать и писать по-местному, но и их система счисления для меня — темный лес.

— Хм, — промычал Торваг, и в его медовых глазах вспыхнул огонек, который я впоследствии узнала как интерес к сложной задаче. — Значит, начинать надо с корней. С алфавита, которые не просто буквы, а образы.

Обучение стало моим якорем. Каждое утро после общей трапезы мы садились с Торвагом за стол. Он оказался терпеливым, но требовательным учителем. Орочья письменность была логографически-рунической: каждый знак означал целое понятие, а их комбинации рождали смыслы. Знак «Дерево» плюс знак «Дом» — «Роща», место для собраний. Знак «Камень» и «Река» — «Твердость духа, текучая мудрость». Это была не просто грамота, это была философия, высеченная в знаках.

Цифры были двадцатеричными, основанными на счете по пальцам рук и ног. У меня голова шла кругом, но упрямство, рожденное отчаянным желанием хоть как-то понять этот мир, заставляло меня корпеть над дощечками, срисовывая знаки углем снова и снова.

И тут произошло неожиданное. Дети деревни, те самые — Гром, девочка с косичками по имени Йвка, и их друзья, — привыкшие видеть в учебе скучную повинность для самых маленьких (старшие дети быстро переходили к практическим навыкам — охоте, ремеслу, земледелию), стали проявлять интерес. Сначала они просто подглядывали из-за двери, видя, как

взрослая, «странная» тетя из иного мира корпит над теми же азами, что и они когда-то. Потом, рискуя получить нагоняй от Торвага, стали задавать вопросы.

— А почему этот крючок вниз идет, а не вверх? — спрашивал Гром, его рыжий чуб задирался от любопытства.

— Потому что он означает «корень», а корень стремится вниз, к силе, — невозмутимо отвечал Торваг, и в его голосе впервые зазвучали педагогические нотки.

Вскоре он, вздохнув, но с тем самым огоньком в глазах, начал вечерние уроки для всех желающих отроков. Моя комната у очага превратилась в класс. Мы сидели на полу, на шкурах, и выводили знаки. Я, взрослая женщина, делала ошибки, над которыми хихикала Ивка, но потом она же терпеливо показывала мне верный наклон. Соревновательный дух и мое упорство заразили их. Если уж «пришелица» так старается, то им, родившимся здесь, и вовсе стыдно отставать.

Выяснилось, что многие подростки знали руны лишь поверхностно. Обучение грамоте не было всеобщим или обязательным в Крепком Корне; упор делался на устную традицию и ремесленные навыки. Но Торваг, видя вспыхнувший интерес, стал вплетать в уроки историю: как появился тот или иной знак, какие легенды с ним связаны. Чтение превратилось в приключение, а письмо — в магию, доступную каждому.

Через месяц я могла медленно, но верно прочитать простую хозяйственную записку от Грахи. Через два — вести простой счет запасов в амбаре (и обнаружила при этом пару несоответствий, чем несказанно удивила кладовщицу). А через три месяца я написала свое первое законченное предложение на пергаменте: «Благодарю очаг за тепло, а Корень — за приют».

Торваг, читая это, долго молчал, а потом кивнул, и это был высший знак одобрения.

— Теперь ты не просто говоришь нашими словами, — сказал он. — Ты начинаешь думать ими. Осторожней. Слова меняют душу.

Менялась не только я. Менялось и отношение деревни. Взгляды оценивающие сменились взглядами узнающими. Если раньше меня называли «Пришелица» или «Дитя камня», то теперь все чаще звучало мое имя, которое они освоили, хоть и произносили с характерным гортанным акцентом. Мне начали поручать мелкие, но важные дела: помочь отсчитать зерно для помола, записать имена новорожденных в родовой свиток (величайшее доверие!), прочитать вслух старую сказку у общего костра для малышей, пока взрослые заняты вечерними делами.

Я узнала, что улыбка орков, обнажающая клыки, не всегда означает угрозу — чаще это просто радость. Что их прямота — не грубость, а отсутствие игры в намеки. Что сила здесь уважается, но мудрость почитается выше. Я научилась отличать ритуальные шрамы-татуировки воинов от бытовых шрамов ремесленников, узнала, что женщины-орчихи правят кладовыми и посевами с железной, но справедливой рукой, а лучшим охотником в деревне оказалась хрупкая на вид девушка с изумрудными глазами, метко стреляющая из лука, размером почти с нее самой.

Однажды Гром, теперь мой самый ревностный ученик, принес мне тонко выделанный кусок кожи.

— Это тебе, — смущенно буркнул он. — Для записей. Видел, твои пергаменты уже кончаются.

А Ивка, дочка кузнеца, подарила мне металлическое перо, выкованное ее отцом по ее же просьбе.

— Уголь стирается, — многозначительно заявила она. — А это — навсегда.

В эти моменты комок подступал к горлу. Это была не жалость, не гостеприимство. Это было признание. Я все еще была другой. Все еще совершала ошибки, не понимала каких-то обычаев, вздрагивала от ночного рева лесных тварей. Но я стала своей в их понимании — тем, кто учится, трудится, вносит свою, пусть малую, лепту в жизнь Корня. Я нашла не просто убежище. Я нашла племя.

И как-то вечером, сидя у очага и записывая под диктовку Торвага старую легенду о том, как появились руны-зовницы (оказывалось, их создали первые мудрецы, чтобы находить потерянные души между мирами), я поймала себя на мысли, что уже несколько дней не вспоминаю о Москве, о Марке, о бумажном стаканчике с кофе. Вместо этого я думала о том, успеют ли завтра высохнуть чернильные орехи, чтобы сделать новую партию чернил, и не забыть бы передать Грахе, что счет мешков с карой сошелся.

Камень в моем сундучке (теперь у меня был свой небольшой, грубо сколоченный сундук) лежал холодный и безмолвный. Но внутри меня что-то пустило первые, хрупкие, но цепкие корни. И почва, как и говорил Торваг, оказалась на удивление плодородной.

Идиллия первых месяцев была подобна первому тонкому льду на лесном пруду – хрустально-красивой, но хрупкой и обманчивой. Я видела мир Крепкого Корня через призму ученичества, открывая для себя его тепло, честность и мудрость. Но реальность, как я вскоре поняла, была высечена не только из домашнего уюта и дружеских улыбок. Она была выкована в кузнечном горне нужды и закалена в холодных водах страха.

Первой трещиной стал приход каравана. Не торгового, а вестникового. Из столицы оркских земель, из каменного сердца гор – Громадной Крепи. Трое всадников в черненых доспехах, с гербами Верховного Вождя на плащах, въехали в деревню не как гости, а как хозяева. Их взгляды, острые как клинки, скользили по хижинам, запасам в амбарах, по сильным рукам молодых орков.

Торваг встретил их на пороге своего дома, выпрямившись во весь свой могучий рост. Я наблюдала из-за занавески своей комнаты, сердце колотилось где-то в горле. Разговор был тихим, отрывистым, полным тех гортанных согласных, что означали дела клановые и государственные. Я уловила лишь обрывки: «призыв», «восточные рубежи», «верность клятве».

Когда всадники уехали, уводя с собой трех наших лучших молодых охотников — братьев Дарга и Горна, и ту самую меткую лучницу Изру, — деревня погрузилась в тягостное молчание. Не было слез или причитаний. Была суровая, выстраданная тишина. Граха, стиснув челюсти, бросила в очаг охапку поленьев так, что искры взвились к потолку.

— Опять, — прошипела она, и в этом слове была вся горечь многовековой усталости. — Забирают лучшие ростки, чтобы бросить их в топку чужих амбиций.

Вечером у очага Торваг, впервые за все время, заговорил со мной не как с ученицей, а как со взрослой, имеющей право знать, в чьем доме она живет. Он развернул передо мной потертую карту, начертанную на шкуре крунга. Королевство орков, или, как они сами называли его, Союз Кланов Камня и Корня, было огромным, но не монолитным.

— Мы, Крепкий Корень, — клан Лесных Недр, — его голос был глух и спокоен, но в каждом слове чувствовалась тяжесть. — Мы чтим договор с землей, с лесом. Наш закон — баланс. Но есть кланы Горных Вершин, кланы Соленых Ветров с побережья, кланы Пустошных Бегов. Их нужды и их нравы иные. А над всеми — Вождь в Громадной Крепи. Он держит союз силой, дипломатией и... кровью.

Оказалось, что «мирное» королевство вело постоянную, изматывающую войну на два фронта. На востоке, за хребтом Разбитых Пик, лежали земли людей-завоевателей из королевства Арадон. Они считали орков «нечистой», «детьми тьмы», и их экспансия была не просто захватом земель, это был крестовый поход. Пленных они не брали.

На юге же, в болотистых низинах Теневого Шелеста, обитала старая, своя беда — племя морлоков. Не разумные, но хитрые твари, вылезавшие по ночам, чтобы утащить скот, а то и ребенка. Война с ними была грязной, партизанской, бесконечной.

— Призыв, — Торваг ткнул пальцем в карту, в район у восточных рубежей. — Каждую весну и осень Вождь требует воинов. От каждого клана — свою долю. Мы, лесные кланы, даем лучших стрелков и следопытов. Горцы — тяжелую пехоту. Но чем дольше длится война с людьми, тем больше воинов оседает костями у чужих стен. Деревни пустеют. Пашни зарас-

тают. — Он тяжело вздохнул. — А налоги на содержание армии растут. Мы платим железом, зерном, шкурами. Платим, чтобы нас же и обороняли, забирая наших детей.

Я слушала, и кусок лепешки застревал в горле. Так вот откуда эта скрытая напряженность в глазах женщин, когда они считали запасы. Вот почему в деревне было так много стариков и детей, а мужчины в расцвете сил встречались редко. Вот почему Ивка в двенадцать лет уже управлялась в кузне наравне с отцом-калейкой, потерявшим ногу на восточном рубеже.

Мой мирный учебный уголок оказался островком в бушующем море суровой необходимости. И я больше не могла быть просто гостьей.

Первым моим настоящим, непраздным вкладом стала не руническая грамота, а математика. Точнее, та самая двадцатеричная система счисления, над которой я так корпела. Когда кладовщица, старая Урга, снова запуталась в счете мешков с карой для подати, я не просто нашла ошибку. Я создала для нее простую таблицу-сетку на вошеной дощечке, где можно было делать зарубки-отметки по системе «пальцы рук и ног». Это сократило время подсчетов втрое и свело ошибки к нулю.

Потом пришла очередь медицины, вернее, того, что я помнила из школьного курса биологии и основ санитарии. Когда у нескольких детей началась тяжелая лихорадка с кишечным расстройством, знахарка деревни, костлявая и суровая Морга, применяла лишь горькие отвары и заговоры. Я, рискуя навлечь на себя гнев, робко спросила о воде.

— Они пьют из ручья ниже по течению, где стирают и чистят потроха, — осторожно заметила я Грахе.

Расследование подтвердило мои опасения. Убедить взрослых орков копать «отдельную яму для нечистот» ниже по склону и дальше от ручья было подвигом, сравнимым с изучением их языка. Меня слушали со скептическими хмурыми бровями, но авторитет Торвага и простая, железная логика («болезнь идет от гнили, гниль нужно изолировать») в итоге победили. Когда эпидемия пошла на спад, на меня впервые посмотрели не как на странную ученицу, а как на человека, принесшего практическую пользу.

Но война напоминала о себе не только налогами и призывами. Она приходила шрамами и тенями.

Как-то ночью в деревню приволокли Горна — одного из тех братьев, что ушли с вестниками. Его несли на самодельных носилках. Он был жив, но в его пустых, устремленных в небо глазах не осталось ни капли того задиристого огонька, что я помнила. Его тело было цело, душа — мертва. «Каменное сердце», — мрачно пояснил Торваг. То, что люди называли бы контузией, шоком, потерей воли к жизни после ужасов настоящей, кровавой сечи.

Я сидела у его постели, не зная, как помочь. Морга качала головой — ее травы и заговоры были бессильны перед раной духа. И тогда, почти не думая, я начала говорить. Сначала просто описывала то, что видела за окном: как играет солнечный зайчик на стене, как Ивка учится новому узору у кузнеца, как Гром с гордостью показывает всем свою первую, самостоятельно написанную руной табличку с именем. Потом, когда его взгляд дрогнул, я стала читать. Ту самую легенду о рунах-зовницах, что записывала под диктовку Торвага. Голос мой дрожал, я путалась в сложных гортанных звуках, но читала.

Я читала о том, как древние мудрецы искали способ вернуть заблудшие души из тьмы между мирами. Как они высекли особые знаки, звучащие как зов родной земли, запах хвои и дыма очага. И когда я на последней строке подняла глаза, я увидела, что по загорелому, обветренному лицу Горна медленно, преодолевая сопротивление окаменевших мышц, катится тяжелая, единственная слеза.

Он не выздоровел в тот же миг. Но лед тронулся. С того дня чтение для раненых воинов (а позже из Громадной Крепи прислали еще нескольких, «безнадежных», от которых столичные лекари просто отвернулись) стало моей новой, негласной обязанностью. Я читала им летописи,

сказки, героические саги – все, что могла найти в сундуке Торвага. Это не всегда, но иногда – помогало. И за это меня стали называть не по имени, а «Голосом Корня».

Я поняла, что моя сила здесь – не в умении держать меч или натягивать лук. Моя сила была в ином знании. В системном мышлении, в логике, в памяти, хранившей обрывки знаний совершенно иного мира. Я не могла остановить войну. Но я могла помочь деревне выжить в ее тени. Сделать счет – точнее, лечение – чуть эффективнее, а души – чуть крепче.

Однажды вечером, глядя, как Торваг смотрит на карту с новым указом о повышении подати, я вдруг четко осознала.

Я больше не ждала, что проснусь в своей старой жизни. Я больше не искала путь назад. Здесь были мои друзья, чья суровая доброта была надежнее любых клятв. Здесь была моя война – тихая, ежедневная война за жизнь, здравомыслие и человечность (орчиность?) вопреки свирепому скрежету истории.

И когда я в тот вечер вынула из сундука холодный рунный камень, он уже не казался мне билетом в один конец или проклятием. Он был просто частью моей истории. Началом пути, который привел меня сюда – в Крепкий Корень, в самый эпицентр шторма. И закрывая крышку сундука, я поймала себя на мысли, что впервые за долгое время не чувствую себя потерянной.

Я чувствовала себя необходимой. И в этом суровом мире, где выживание было высшей ценностью, это чувство значило куда больше, чем вся прошлая, нарядная и пустая стабильность. Корни проросли. Глубоко. И теперь им предстояло держать.

Глава 3.

Быт в Крепком Корне выстроился в новый ритм, похожий на спокойное, глубокое дыхание леса между бурями. Утро начиналось с завтрака у общего очага у Торвага, где Граха неизменно ворчала на угли, раздавая нам лепешки с медом. Потом уроки: утренние – для детей, где я теперь чаще помогала Торвагу, чем училась сама, а послеполуденные – для себя. Староста решил, что моих знаний о «системах и сетках» недостаточно, и начал знакомить меня с основами стратегии, логистики клана и даже начальной дипломатии по летописям.

Но главным светом тех дней стала Игрита. Молодая орчиха, чуть старше меня по местным меркам, лет двадцати. Мы сблизилась не сразу. Она была дочерью лучшего кожевника деревни, живой, с острым языком и взглядом, в котором пряталась грусть. Ее отец погиб на восточном рубеже, когда она была подростком. Игрита помогала матери и слыла отличной швесей, способной из грубой шкуры крунга сделать удивительно мягкую и прочную одежду.

Нашей точкой соприкосновения стали чернила. Мне нужно было больше, чем мог дать наш небольшой запас чернильных орехов, и я в отчаянии спросила у Торвага об альтернативах. Он махнул рукой в сторону Игриты:

– Спроси ее. Она красильщица, ей ведомы все соки да коренья.

Игрита отнеслась к моей просьбе с серьезным любопытством. Она привела меня к себе в мастерскую – пристройку к дому, пропахшую дубильными экстрактами и дымом. Мы экспериментировали: отвар коры железного дуба давал стойкий коричневый цвет, ягоды чернотравника – густой фиолетовый, а однажды, смешав особую глину с желчью лесной птицы, мы получили пронзительно-зеленые чернила, которые Игрита тут же окрестила «цветом молодой хвои».

За работой мы разговаривали. Сначала о красках, о стежках, о том, как трудно вывести пятно от крунговьей крови. Потом – о жизни. Я рассказывала об абсурдностях своего мира: о бумажных стаканчиках, о «социальных сетях», где люди выставляли напоказ еду, о бесконечной суете без видимой цели. Она слушала, широко раскрыв свои золотистые глаза, и покачивала головой.

— Звучит как лихорадочный бред, — как-то вынесла вердикт. — Столько усилий... и все впустую. У нас усилие должно рождать вещь. Еду, одежду, дом, ребенка. Или защиту для того, кто это делает.

Она говорила о своем женихе, Борке. Молодом кузнеце, помощнике отца Ивки. Сильном, тихом, с руками, изуродованными ожогами и мозолями, но умеющими выковать и тончайшее перо, и прочный топор. Их свадьба должна была состояться после сбора урожая, перед первыми заморозками. Это было важное событие для всей деревни – не только союз двух любящих сердец, но и укрепление связей между семьями ремесленников.

Подготовка поглотила всех. Женщины ткали и вышивали праздничные накидки, мужчины варили крепкий медовый напиток «горновуху» и коптили лучшие куски мяса. Игрита с матерью дни и ночи напролет трудились над ее подвенечным нарядом. Это была не белая фата, а сложный ансамбль из двух частей: практичная, но богато украшенная ручной вышивкой одежда из мягчайшей дубленой кожи для церемонии и пира, и отдельно – тяжелый, стеганый плащ-накидка из шкур, символ нового статуса жены и хозяйки, который она наденет после свадьбы.

Я помогала, как могла: считала узоры, чтобы они были симметричны, придумывала орнаменты, соединяя традиционные оркские мотивы (волны, клыки, корни) с геометрической четкостью, всплывавшей в моей памяти. Я подарила Игрите пузырек с теми самыми «чернилами молодой хвои» – для тайной руны, которую, как она мне призналась, хотела вышить внутри плаща, у сердца. Руны «Защиты» и «Прочного корня».

Свадьба началась на рассвете. Церемония проходила у древнего Камня Голосов на окраине деревни. Торваг, облаченный в резную деревянную маску предка-покровителя, проводил обряд. Жених и невеста, взявшись за руки, трижды обошли камень, призывая благословение земли, леса и очага. Борк, обычно такой сдержанный, не сводил глаз с Игриты, а ее глаза сияли так, что затмевали утреннее солнце.

Потом был пир. Длинные столы, сколоченные прямо на поляне, ломились от яств. Гремели барабаны, сделанные из дубовых кадушек и крунговых шкур. Даже самые угрюмые старики улыбались, а дети носились между лавок. Я сидела рядом с Грахой и Торвагом, наблюдала, как Игрита и Борк обмениваются первыми чашами горновухи, как их лбы касаются в традиционном жесте – «дележе дыхания и судьбы». Во мне теплилось странное чувство – не зависти, а глубокой, тихой радости за них. За эту хрупкую надежду на простое счастье в мире, полном тревог.

Солнце склонилось к вершинам деревьев, отбрасывая длинные тени. Торжество было в самом разгаре, когда мы услышали стук копыт. Тяжелый, мерный, не сулящий ничего хорошего.

Все замолчали. Сначала отпала музыка, потом голоса. Даже дети притихли, прижавшись к родителям.

Из лесной чащи выехали те же трое. Черные доспехи, плащи с гербом Вождя. Они остановились на краю поляны, и их взгляд, холодный и методичный, пополз по празднично разодетой толпе, пока не нашел Борка. Молодого кузнеца, сильного, здорового, только что вступившего в пору зрелости и принявшего на себя новые обязанности.

Главный из всадников, орк со шрамом на лице, который зацепил его левый глаз, из-за чего тот видимо не видел, не спеша слез с коня.

— Староста Торваг, — его голос резал праздничную тишину как ржавый нож. — По приказу Верховного Вождя. В связи с прорывом оборотов Арадона у Разлома. Призывной список пополняется. Требуется кузнец-оружейник. Имя — Борк, сын Дурока. Явка — немедленно.

Легкий, счастливый румянец сбежал с лица Игриты, оставив серую, восковую бледность, которая проступила даже через зеленоватый окрас кожи. Ее пальцы вцепились в рукав платья Борка так, что побелели костяшки. Борк медленно поднялся. В его глазах мелькнуло столько всего: шок, ярость, бессилие, а потом — тупая, привычная покорность судьбе. Он сделал шаг вперед.

И тут во мне что-то сорвалось. Какая-то пружина, которую все эти месяцы тихо закручивали вид пустых глаз Горна, горечь Грахы, детские вопросы о том, вернется ли папа. Я вскочила на ноги. Голос мой прозвучал громко, четко и, к своему удивлению, без тени дрожи.

— Он только что принял клятву у Камня Голосов! — сказала я, выходя вперед, навстречу удивленным и сразу насторожившимся взглядам всадников. — Его обязанность теперь — жена, будущий дом, дети. Его долг — здесь.

Всадник со шрамом медленно повернул голову ко мне. Его взгляд скользнул по моей непривычной одежде, по лицу без клыков и рогов, смерил презрением.

— Ты кто такая, чтобы говорить о долге, чужеземка? Призыв Вождя — высший долг. Он превышает клятву у камней.

— Тогда возьмите меня.

Тишина стала абсолютной. Даже ветер в кронах замер. Я видела, как у Торвага резко дернулась бровь, как Граха схватилась за сердце. Игрита смотрела на меня с немим ужасом.

— Тебя? — всадник фыркнул. — Худую веточку, которая и меч-то не поднимет? Нам нужны воины, а не лишние рты в обозе.

Кривая усмешка тронула мои губы. В своем мире я была толстухой, пышкой, в этом мире стада “худой веточкой”, забавно.

— Вам нужен кузнец, — парировала я, чувствуя, как холодная ясность заливает сознание. — Вы заберете Борка, и деревня останется без мастера, способного чинить плуги, ковать подковы и, да, ремонтировать то самое оружие, что вы потом снова у нее потребуете. Это глупо. Как стратегически, так и логистически. А я... я бесполезна в кузне. Но я грамотна. Я знаю вашу систему счета и могу вести учет. Я умею организовывать. Я могу читать карты и составлять отчеты. И я... — я сделала шаг ближе, глядя прямо в его единственный живой глаз, — я не буду беременеть в походе и отвлекать ваших воинов. Возьмите меня как писаря, учетчика, что угодно. Один грамотный организатор в тылу стоит десятка необученных мечников на передовой. Или вы в Громадной Крепи этого не понимаете?

Последнюю фразу я бросила с вызовом, почти с издёвкой, рискуя всем. Но я видела, как подействовали мои слова. Всадники переглянулись. Главный нахмурился, его взгляд стал оценивающим, уже без прежнего презрения.

— Ты говоришь как клановая летописца, — пробурчал он. — Странно. — Он посмотрел на Торвага. — Это твоя воля, староста? Отдать чужеземку вместо своего кровного?

Торваг поднялся. Он казался вдвое выше, чем обычно. Его медленный, тяжкий взгляд перешел с меня на Борка, на Игриту, потом вернулся ко мне. В его глазах читалась буря: боль, горечь, гордость и какое-то новое, глубочайшее уважение.

— Ее воля — ее выбор, — прогремел он. — И в Крепком Корне мы уважаем выбор, продиктованный долгом перед сородичами. Она вошла под мой кров как гостя. Теперь она говорит как сестра клана. Если она идет — она идет с моим словом. И за ее безопасность вы будете отвечать передо мной лично, капитан.

Это было признание. Публичное и бесповоротное. Капитан-всадник что-то взвесил в уме, потом резко кивнул.

— Ладно. Чудеса. Чужеземка-доброволец. — Он бросил на Борка короткий взгляд. — Твоя удача, кузнец. Женись и куй. А ты, — он ткнул пальцем в меня, — собирайся. У нас полночи до выхода.

Наступила сумятица. Игрита, рыдая, бросилась ко мне, обняла так, что хрустнули ребра.

— Зачем? О чем ты думала? — шептала она сквозь слезы.

— О том, чтобы у тебя был шанс, — тихо ответила я. — Чтобы у вас был шанс.

Граха, молча и быстро, собрала мне дорожный мешок: лепешки, сушеное мясо, мою деревянную миску и нож. Торваг вручил мне свою собственную, маленькую, но вместительную и очень функциональную чернильницу из рога и сверток с пергаменами.

— Записывай все, что увидишь, Голос Корня, — сказал он, и его большая, шершавая рука легла мне на голову в благословении. — И возвращайся. Этот очаг будет ждать.

Когда я подошла к коню (мне выделили спокойного, низкорослого пони-тяжеловоза), ко мне протиснулся Гром. Его лицо было перекошено от попытки не заплакать.

— Ты... ты же вернешься?

— Постараюсь, — улыбнулась я ему, чувствуя, как у самой предательски щиплет в носу. — А ты учи Ивку. И следи, чтобы счет в амбаре сходился.

Я в последний раз обвела взглядом поляну: испуганные, потрясенные, благодарные лица. Игриту, прижавшуюся к Борку, который смотрел на меня с немим, оглушительным облегчением и стыдом. Торвага, стоящего неподвижно, как сам Камень Голосов.

Потом я взяла поводья, кивнула капитану и выехала за всадниками с поляны, оставив позади свет костров, музыку, которую так и не заиграли снова, и запах праздничного пиршества, теперь отдававший горечью.

Мы въехали в темный, беззвездный лес. Путь лежал на восток, к хребту Разбитых Пик, к войне. Страх сковал мне живот ледяным кольцом. Но под ним, глубже, было что-то иное. Не безумная отвага, а холодная, четкая решимость. Я не была воином. Но я была их голосом, их памятью, их счетоводом. И я пошла на фронт, чтобы одна молодая орчиха могла встретить

рассвет в объятиях своего мужа. Это была не героическая жертва. Это был самый рациональный и самый человеческий поступок из всех возможных в этом жестоком мире.

Книга входит в литмоб “Пышные попаданки” 18+
остальные книги вы найдете по ссылке
<https://litnet.com/shrt/M5dd>

Глава 4.

Лес поглотил нас почти сразу. Звуки пира – последние обрывки барабанной дробы, крик какой-то птицы, встревоженной нашим проходом – остались позади, отрезанные стеной вековых стволов и густого подлеска. Мы двигались по узкой, почти нечитаемой тропе. Капитан, назвавшийся на ходу Дракком, ехал впереди, его двое подчиненных – Мог и Гарт – замыкали шествие. Меня поставили посередине, видимо, на случай, если вздумаю бежать.

Страх не отпускал, он был теперь фоном, низким гулом в ушах, смешанным со стуком копыт. Но мысли, к моему удивлению, работали с ледяной четкостью. Я анализировала все: посадку всадников (твердая, практичная), их оружие (длинные боевые топоры на поясах, ножи за голенищами сапог), как они молча перебрасываются редкими гортанными фразами. Я запомнила маршрут, отмечая странный дуб с расщепленной молнией вершиной, каменную гряду, похожую на спящего великана. *Записывай все, что увидишь*, – сказал Торваг. Так я и делала, только пока – в уме.

Мы ехали несколько часов. Лес начал редеть, сменился холмистой, поросшей жесткой бурой травой равниной. Ветер, которого почти не было среди деревьев, тут засвистел в ушах, безжалостный и холодный. И тут я увидела то, что заставило мое сердце уйти в пятки, а потом колотиться с бешеной силой.

Впереди, метрах в трехстах, лежало то, что осталось от другого отряда. Небольшого обоза, судя по разбросанным обломкам повозки. Тела – пять, шесть темных, неподвижных фигур – были разбросаны по склону холма. Но не это было самым страшным. Над этим местом, описывая низкие, неторопливые круги, парили три огромные твари.

Я никогда не видела ничего подобного в жизни, но мой мозг, накачанный тоннами фэнтезийного контента из прошлой жизни, мгновенно выдал жуткий ярлык: *грифоны*. Или нечто очень похожее. Размах крыльев – с небольшой самолет, крючковатые клювы, покрытые не перьями, а чем-то вроде кожистой чешуи, мощные лапы с когтями, в которых даже отсюда угадывалась смертоносная сила. Они явно уже покормились, но не улетали, охраняя свою находку.

Дракк резко поднял руку, и мы замерли. Его единственный глаз сузился.

— Проклятые стервятники с Пиков, — прошипел он. — Чуют смерть за три лиги. Объем. С севера, через те овраги. Это займет лишних два часа.

Мог и Гарт молча кивнули, уже поворачивая коней. Но что-то в этой картине не сходилось. Я вглядывалась. Одна из тварей, самая крупная, опустилась на остатки повозки и что-то долбила клювом, с сухим, шелкающим звуком, донесшимся до нас по ветру. Другая сидела на трупке жоака, и ее шея и грудь были испачканы чем-то темным, почти черным, что резко контрастировало с буровой окраской ее тела.

И тут до меня дошло. Не просто охраняли. Они *собирали материал*.

— Капитан, — мой голос прозвучал хрипло от напряжения. — Мы не можем их объехать. Дракк обернулся, его взгляд был подобен лезвию топора.

— Ты хочешь сказать, что нам стоит пройти под ними, чужеземка? Они разорвут лошадей в клочья.

— Они разорвут, если мы пойдем *сейчас*, — сказала я, быстро соображая. — Посмотрите на самку на повозке. Она не ест. Она долбит дерево. А вон та, — я кивнула на вторую, — она испачкана в смоле или дегте. От той повозки. Я думаю... я почти уверена, что они строят гнездо. Или чинят старое. Для этого им нужен прочный строительный материал: щепки, ветки, тряпки. А еще смола для скрепления.

Я видела, как эта мысль медленно доходит до него. В его мире грифоны были просто крылатыми убийцами. Но в моем – это были хищные птицы, пусть и мифические. А у птиц, даже у самых страшных, есть инстинкты. Строительный – один из сильнейших.

— Твое предложение? — спросил Дракк, и в его голосе впервые прозвучало не презрение, а холодный интерес.

— Мы делаем им подношение, — сказала я. — Лучшее, что у нас есть для строительства. Часть нашего снаряжения. Веревки, куски брезента с палаток, может быть, даже одну пустую седельную сумку, если она кожаная. Мы связываем это в большую рыхлую кучу, обмазываем... чем? У нас есть жир? Сальная просоленная ветчина? Чем-то липким и пахучим. И отвлекаем их. Откатываем этот «строительный набор» подальше от нашего пути, в сторону оврага. Пока они заняты его растаскиванием, мы проходим по прямой. Быстро и тихо.

Молчание повисло тяжелым одеялом. Мог и Гарт смотрели на капитана, потом на меня, с немим вопросом на лицах.

— Это безумие, — пробормотал Гарт. — Отдать снаряжение этим тварям.

— Безумие – терять два часа на объезд по открытой местности, где нас могут заметить не только грифоны, — парировала я. — Или пытаться прорваться силой, потеряв коней, а может, и солдат. У вас приказ: доставить новобранцев в лагерь к рассвету. Это самый быстрый и наименее рискованный способ его выполнить.

Дракк изучал меня несколько долгих секунд внимательным взглядом. Потом резко выпрямился в седле.

— Делаем, как говорит чужеземка. Мог, Гарт – разбирайте запасные веревки, отрежьте кусок от запасного брезента. Достаньте тот мешок с просоленным жиром для смазки доспехов. Быстро!

Они действовали с молниеносной, отработанной эффективностью. Через пять минут у нас была нелепая, дурно пахнущая куча, густо обмазанная вонючим салом. Мы слезли с коней, повели их в ручную, залегли за небольшой гребень.

— А теперь? — спросил Дракк.

— Теперь бросаем подарок и бежим, — сказала я. — Но не в их сторону. Вон к тому камню, что левее. Оттуда они его увидят, но путь к нему будет пролегать в сторону от нашей тропы.

Он кивнул, могучим броском метнул жирный сверток. Тот ударился о склон метрах в пятидесяти от грифонов и покатился вниз, оставляя за собой жирный след.

Эффект был мгновенным. Все три твари разом замерли, повернув уродливые головы. Их зоркие глаза, должно быть, увидели блеск влажной кожи и веревок. Самка на повозке издала короткий, скрежещущий крик и первая ринулась вниз, к свертку. За ней последовали остальные. Началась свалка – они рвали когтями брезент, тащили в разные стороны веревки, с жадностью хватая промасленные куски.

— Теперь! — скомандовал Дракк шепотом.

Мы почти бежали, ведя за собой коней, пригибаясь к земле. Я чувствовала, как каждый мускул напряжен до предела, ожидая свиста крыльев за спиной. Но его не было. Позади только доносились довольные, чавкающие звуки и скрежет когтей по камню. Грифоны были поглощены своим строительным трофеем.

Мы миновали место бойни, я старалась не смотреть на темные пятна на траве, и вышли на чистый участок. Еще минут пятнадцать мы шли быстрым шагом, и только когда холм скрыл место нашей вынужденной «торговли» из виду, Дракк разрешил снова сесть в седла.

Он остановил коня и повернулся ко мне. Его лицо, изуродованное шрамом, было непроницаемо.

— Откуда ты знала? — спросил он прямо. — Про гнезда и смолу?

— Я много читала, — честно ответила я, чувствуя, как дрожь отступающей опасности наконец добирается до моих рук. — О разных существах. Их повадках. Иногда знание – лучше меча.

Он медленно кивнул, его единственный глаз блеснул в скупом свете поднимающейся луны.

— Может, и так. — Он хмыкнул. — Два часа времени и три мотка веревок – дешевая плата за жизнь. Ладно, писарь. Едем дальше. И... следы в оба. Если увидишь еще что-нибудь «интересное» – говори сразу.

Мы поехали. Мог и Гарт больше не смотрели на меня как на обузу. Их взгляды, скользя в мою сторону, теперь выражали сдержанное, недоверчивое, но уже уважение. Я вытерла потные ладони о грубую ткань своих штанов, сглотнула комок в горле. Это сработало. Мои знания, моя логика, моя другая реальность – здесь они имели вес. Они могли спасти жизни.

Мы поехали. Дрожь от пережитого понемногу сменилась онемевшей усталостью, впитывавшейся в кости от долгой тряски в седле. Ландшафт менялся: бурая равнина сменилась каменистыми предгорьями, воздух стал тоньше и острее, с морозным привкусом, несмотря на позднюю весну. А потом, когда наш маленький отряд выбрался на очередной перевал, он предстал перед нами во всей своей угрюмой «красе».

Перевалочный лагерь Громадной Крепи.

Это было нечто среднее между стихийной свалкой и муравейником под угрозой нападения. Ни о какой симметрии или планировке речи не шло. Палатки, больше похожие на обтянутые кожей или грубым брезентом кучи хвороста, лепились друг к другу, заполняя всю узкую долину между скал. Дым десятков костров стлался низкой, едкой пеленой, смешиваясь с запахами немытых тел, конского навоза, дымного мяса и... чего-то еще, металлического и тревожного. Откуда-то доносился нескончаемый звон молотов о наковальни, ржание лошадей, грубый смех и окрики. И повсюду – орки. Их были сотни. Они строили, чинили, таскали, ругались, спали прямо на земле.

Дракк, не оборачиваясь, жестом велел нам следовать за ним. Мы начали спускаться по узкой, разбитой тропе в этот кипящий котел. На нас косились, но, увидев форму Дракка и его людей, быстро отводили взгляд. Мысли мои лихорадочно работали, пытаюсь систематизировать этот хаос: *там кузница, там коновязь, там, судя по запаху, кухня и отхожее место в одном флаконе...*

Дракк вел нас напрямик к самому крупному строению в лагере – не палатке, а настоящему бревенчатому блиндажу, врытому в склон горы. У входа стояли два орка в более качественных, чем у всех, доспехах, с топорами наперевес. Их взгляды, тяжёлые и подозрительные, задержались на мне дольше всего.

— Капитан Дракк, с донесением и пополнением для третьей роты, — отбарабанил Дракк, и стражи молча раздвинулись, пропуская его внутрь. Мне кивком велели следовать.

Внутри было тесно, дымно от жировой лампы, но относительно чисто. За грубым столом, на котором была разложена карта, испещренная какими-то значками, сидел... ну, это должен был быть генерал.

И тут мои внутренние классификаторы дали сбой.

Он был орком. Зеленая кожа, массивная нижняя челюсть, из которой торчали два крепких, но не чрезмерно длинных клыка – да. Но на этом сходство заканчивалось. Никаких зачатков рогов, никаких излишне развитых надбровных дуг. Черты лица, хоть и крупные, были удивительно... правильными. Если бы не цвет кожи и не исполинские размеры, он бы с легкостью прошел за невероятно могучего, даже пугающего человека. Ширина его плеч, казалось, перекрывала собой весь проход. Когда он медленно поднял голову от карты, его глаза – умные, пронзительно-желтые, без тени привычной орчьей ярости – остановились сначала на Дракке, потом на мне.

Мне вдруг стало смешно и страшно одновременно. Рядом с Торвагом я чувствовала себя подростком. Рядом с этим существом я ощутила себя букашкой. Буквально. Если бы он решил

ткнуть в меня пальцем, он мог бы использовать для этого обрубок дерева, и разницы бы не заметил.

— Дракк, — голос генерала был низким, негромким, но таким густым, что, казалось, исходил из самых недр земли. — Ты опоздал на полчаса. Где кузнец для третьей роты? И что это? — Он двинул подбородком в мою сторону.

Дракк вытянулся в струнку, что выглядело комично, учитывая его собственную внушительную комплекцию.

— Генерал Грот, дело обстояло так... В деревне Крепкий Корень...

— Короче, Дракк, — перебил Грот, и в его голосе зазвучала усталая терпкость. — У меня тут пол-армии голодных, вторые пол-армии – без исправных топоров, а ты мне начинаешь сагу.

Дракк покраснел (то есть, его кожа приобрела буровато-лиловый оттенок).

— Кузнец Борк только что женился. А эта... чужеземка... вызвалась вместо него. Добровольно. Как писарь и учетчик. Говорит, грамотна.

Грот откинулся на спинку своего импровизированного трона – бревна, обтянутого шкурой. Его желтые глаза сузились.

— Добровольно, — повторил он без интонации. — И ты, капитан Дракк, ветеран двух кампаний, повелся на это? Ты обменял обученного кузнеца-оружейника, в котором остро нуждается фронт, на... — он снова оценивающе посмотрел на меня, — на худую, безрогую девицу, которая «грамотна»? Где, интересно, она здесь применит свою грамотность? Стихи писать о красоте Разлома?

В его тоне не было злобы. Была холодная, убийственная констатация идиотизма. Мне стало жаль Дракка, который явно начал потеть.

— Она... она помогла отряду избежать стычки с грифонами на перевале Молчаливых Камней, — выпалил Дракк, пытаясь вытащить козырь. — Придумала, как их отвлечь. Спасла время и, возможно, жизни.

Грот медленно поднял одну густую, тоже лишенную роговых наростов бровь.

— Грифоны. И она их отвлекла. Чем? Прочитала им лекцию о геометрии?

— Строительным материалом для гнезда, генерал! — Дракк, увлеченный, начал рассказывать историю про смолу, веревки и сало.

Грот слушал, ничем не выдавая своих эмоций. Когда Дракк закончил, в блиндаже повисло тягостное молчание.

— Интересная история, — наконец произнес генерал. — Очень... сказочная. Удобная, чтобы объяснить потерю казенного снаряжения. Три мотка веревок, кусок брезента, запас жира. За все это ты, капитан, ответишь из своего жалования.

Дракк поник.

— Но история с кузнецом и этой... доброволицей... — Грот провел ладонью покороткому ежику волос, и вдруг в его глазах мелькнула искорка чего-то, что я не ожидала увидеть – живого, почти человеческого любопытства, приправленного изрядной долей цинизма. — Это либо гениальная афера, либо идиотизм эпических масштабов. И то, и другое мне в моей армии не нужно. Но первого я пока не видел. Значит, второе.

Он тяжело поднялся. И тут я окончательно осознала его размеры. Мне даже показалось, что он подпер собой потолок блиндажа. Он подошел ко мне, и я почувствовала, как тень от его тела полностью накрыла меня, словно туча. Он наклонился, и его дыхание, пахнущее крепким чаем и холодным железом, обдало мое лицо.

— Так, «грамотная». Ты стоишь мне кузнеца. И по версии Дракка – еще и снаряжения. Ты теперь мой личный должник. И поскольку я не могу из тебя выковать гвоздь, а тратить солдат на охрану какого-то «писаря» – глупость, ты будешь там, где от тебя будет хоть какая-то польза и где я смогу за тобой присмотреть, чтобы ты не натворила еще большей беды.

Он выпрямился и бросил через плечо Дракку, который стоял, ожидая приговора:

— Дракк, ты – дурак. Но дурак исполнительный. Сгоняй-ка обратно в Крепкий Корень и все-таки привези мне того кузнеца. А если староста будет упрямяться, напомни ему, что его «сестра клана» сейчас у меня. Взаимость – прекрасная вещь. Дракк выдохнул с явным облегчением – отделался легким испугом и дополнительным заданием – и, бросив на меня последний неоднозначный взгляд, выскользнул из блиндажа.

Генерал Грот снова уставился на меня.

— А ты, «Голос Корня», или как тебя там... — он, видимо, подхватил это обращение из доклада Дракка, — теперь моя проблема. И я свои проблемы люблю решать быстро. Ты будешь при штабе. Будешь считать пайки, вести журнал раненых, разбирать эту сраную путаницу с донесениями из рот, которые мои «грамотные» сержанты пишут так, будто курица лапой по грязи прошлась. Спишь тут же, в подсобке. Питаешься из общего котла. Попробуешь сбежать, сломаю ноги. Попробуешь навредить – сломаю шею. Вопросы?

Он смотрел на меня, ожидая истерики, слез или подобострастия. Я, все еще чувствуя себя муравьем перед горой, сделала единственное, что пришло в голову. Я осторожно кашлянула, прочищая пересохшее от страха и удивления горло.

— Один вопрос, генерал. Для ведения журнала раненых... мне понадобятся чернила и перо. А то, что подарил мне Торваг... кажется, осталось в седельной сумке у капитана Дракка. Вместе с тремя мотками ваших казенных веревок.

На его каменном, неоркском лице что-то дрогнуло. Уголок могучего рта, лишённого привычной орчьей гримасы, дернулся вверх на миллиметр. Это не была улыбка. Это было начало чего-то, что могло бы стать усмешкой.

— Наглость, — констатировал он беззвучно. — Ладно. Разберемся. Гарт! — крикнул он в дверь одному из стражей. — Отведи эту... бухгалтера... в подсобку. И принеси ей все, что было в ее мешке. И мою запасную чернильницу. Посмотрим, на что она способна.

И вот так, курьезно, страшно и нелепо, началась моя служба при штабе Громадной Крепи. Меня не казнили, не выгнали, а взяла под свое... крыло? Лапу? Самый нетипичный орк во всей вселенной. И почему-то мне показалось, что сломать ноги он и вправду может. А вот насчет чернильницы – не соврал. Деловые качества, даже в лице тощей «веточки», он, в отличие от Дракка, оценил сразу. Пусть и сквозь зубы.

Глава 5.

Мой новый «дом» был похож на чулан для метел. Подсобка при штабном блиндаже представляла собой выгороженную запасными брезентами и ящиками со снаряжением комнатушку размером примерно два на два метра. В одном углу лежал тюфяк, набитый чем-то сухим и шуршащим (я боялась вдумываться, чем именно), в другом стояла шаткая табуретка и ящик, выполнявший роль стола. Единственным источником света была щель под потолком, куда заводили дымоходную трубу от печки в основном помещении. Зато было относительно тепло и сухо, что, как я скоро поняла, было неслыханной роскошью для большинства обитателей лагеря.

Мой скромный скарб – сумка с запасом одежды, немного еды от Торвага и тот самый набор писца – принес орк по имени Гарт, тот самый, что был с Дракком. Мой сундук занял чуть ли не половину отведенного мне помещения. Он молча сунул мне вещи, бросил на тюфяк грубое армейское одеяло и удалился, бросая на ходу:

– Генерал ждет тебя на кухне через час. Будешь считать котлы.

«Считать котлы». Это прозвучало как шутка, но оказалось самой что ни на есть суровой реальностью. Быт лагеря был организован по принципу «как получится», и учет продовольствия находился в состоянии перманентного хаоса. Мой первый рабочий день начался с того, что я, с блокнотом и пером в дрожащих от холода руках (чернила в генеральской чернильнице чуть не замерзли), стояла рядом с Гротом посреди кухонного ада.

Кухня – это было громко сказано. Это была просто большая, закопченная яма с тремя чугунными котлами, врытыми в землю, над которыми сутились несколько орков, больше похожих на дровосеков, чем на поваров. Запах стоял умопомрачительный: пережженное сало, коренья, какой-то дымный чай и все тот же вездесущий запах пота и металла.

— Это Мазга, — ткнул пальцем Грот в сторону самой внушительной из «поварих», орчихи с шрамом через оба глаза, которая одной рукой мешала в котле половником размером с лопату. — Она знает, сколько чего должно уйти в котел. В теории. Ты будешь записывать, что уходит, и что выходит на роту. Потом сверим с заявками сержантов и остатками на складе. Если цифры не сойдутся, — он наклонился ко мне, и его голос стал тише, но от этого не менее весомым, — я буду разбираться. И поверь, с Мазгой разбираться куда неприятнее, чем со мной.

Мазга, услышав свое имя, обернулась и окинула меня оценивающим взглядом. Ее взгляд скользнул по моим тонким (местным меркам) запястьям, не способным поднять ее половник, и она фыркнула, явно посчитав меня абсолютно бесполезной.

Работа закипела. Вернее, закипели котлы, а я погрузилась в мир примитивной, но отчаянно запутанной бухгалтерии. Оказалось, «паек на роту» — понятие растяжимое. Сержанты вечно пытались выпросить лишнюю меру крупы «для самых крепких бойцов», Мазга недокладывала в котел соленой свинины, припрятывая ее, как я подозревала, для своих «любимчиков», а складской, хитрый орк по имени Шивяк, вел учет «на глазок» и постоянно терял накладные.

Я начала с простого: завела три отдельных листа для каждого котла. Слева – что должно быть положено по норме. Справа – что положила Мазга (я стояла у нее над душой и буквально считала каждый бросаемый в бульон кусок). Потом измеряла объем готовой похлебки деревянным мерным ведром. Потом стояла и считала, сколько мисок солдаты каждой роты действительно получили. Разница между «должно быть», «положено» и «получено» была чудовищной.

К концу второго дня у меня было перо, испачканное до основания, одежда, пропахшая дымом и жиром, и четкие, неопровержимые цифры. Я принесла их Гроту, когда он в одиночестве ужинал в своем блиндаже куском жареного мяса и черным хлебом.

— Генерал, предварительный отчет по распределению продовольствия за два дня, — сказала я, кладя перед ним листок с аккуратными колонками.

Он отложил нож, взял бумагу. Его желтые глаза пробежали по цифрам. На его лице не было никаких эмоций, но я увидела, как напряглись мышцы его мощной челюсти.

— Потери на этапе закладки продуктов: 15%. На этапе раздачи: еще 10%. И это в тихий день, без боя, — произнес он наконец голосом, в котором гудела далекая гроза. — Интересно. Мазга считает, что 15% выкипает. Шивяк пишет, что мыши съедают 10% на складе. А тут, выходит, мыши ходят на двух ногах и носят наши же кольчуги.

Он посмотрел на меня.

— Ты уверена в цифрах?

— Я считала каждый кусок мяса, который Мазга бросала в котел, и каждую миску, которую выносили из кухни, — ответила я честно. — Могу повторить завтра. При свидетелях.

Грот медленно кивнул. Потом неожиданно спросил:

— Умеешь считать дальше? Не просто складывать, а... прогнозировать?

— Если известны нормы и количество людей, то можно рассчитать, на сколько дней хватит запасов при текущем расходе, — осторожно сказала я.

Он откинулся на своем бревне.

— Вот и займись. Склад Шивяка – твоя следующая задача. Пересчитай все. Мешки, бочки, связки. Составь новую опись. И если где-то найдешь «неучтенную» солонину... не трогай. Просто отметь. Поняла?

Я поняла. Меня не просто взяли для формального учета. Меня сделали его негласным ревизором. Жалкой, беззащитной «веточкой», на которую никто не обратит внимания, но которая видит все. Страх немного отступил, уступив место азарту. Это была задача. Сложная, грязная, но понятная.

— Поняла, генерал.

Моя жизнь вошла в новый, странный ритм. Утро начиналось с кухни и «учета котлов». Потом я пробиралась на склад – темный, пропахший землей и плесенью бункер, где Шивяк встречал меня сладковато-подозрительной улыбкой. Я пересчитывала мешки с зерном, залезая на самые верхние, заваленные паутиной, перемеряла бочки с солониной, сверяя вес с его кривыми записями. Он пытался отвлекать, предлагать «крепкий чаек», болтать о пустяках. Я молча кивала и писала в своем блокноте.

Вечерами, при свете сальной лампы в своей конуре, я сводила итоги, строя первые примитивные графики расхода. Я запоминала лица сержантов, которые громче всех кричали о недокладе, и тех, кто молча забирал свой паек. Постепенно я начала понимать сложную, негласную иерархию лагеря, систему обмена и «понятий», которая работала параллельно с уставом.

Однажды, возвращаясь со склада, я увидела, как два молодых орка из только что прибывшего пополнения, жмурясь от холода, моют котлы ледяной водой из ручья. У них не было рукавиц, и пальцы были красными и опухшими. Никто не обращал на них внимания. Я прошла мимо, но вечером, составляя отчет для Грота, вписала отдельной строкой: «Потери трудоспособности от обморожения среди нового пополнения из-за отсутствия теплой воды при работе у котлов. Рекомендация: выделить дежурным рукавицы или организовать дежурство у котлов по очереди среди всех рот для распределения нагузки».

На следующий день, когда я пришла на кухню, Мазга молча сунула мне пару грубых, но целых рукавиц.

— Генерал сказал, чтоб не обморозила руки, а то считать не сможешь, — буркнула она и отвернулась, но ее тон был уже не таким враждебным.

Это была маленькая, почти невидимая победа. Я не была воином. Я даже не была полноценным членом этого племени. Но я была их счетоводом. И, кажется, начала приносить пользу. Пусть даже измеряемую в сохраненных от обморожения пальцах и сэкономленных мешках крупы. В этом жестоком, хаотичном мире холодных расчетов это было то небольшое, что я могла сделать. И, наблюдая за Гротом, который теперь иногда, пробегая глазами по моим отчетам,

задавал короткие, точные вопросы, я понимала – он это ценит. По-своему. Сквозь зубы. Но ценит. А в условиях Громадной Крепи это было дороже любой похвалы.

Работа по ревизии склада Шивяка была готова. У меня на руках была не просто опись, а настоящая карта хаоса. Я рассчитала текущий расход, сопоставила его с остатками и вывела сухую, пугающую цифру: при текущих темпах «утечки» запасов хватит на две недели, а не на месяц, как докладывал Шивяк.

Я ждала, когда Грот будет один. Вечерняя поверка закончилась, в штабном блиндаже стихли голоса орков-писарьков, сводивших свои отчеты. Генерал сидел за своим столом, углубленный в изучение большой, потрепанной карты Разлома. При свете лампы его лицо казалось вырубленным из гранита – тяжелым, усталым и непроницаемым.

Я постучала костяшками пальцев по бревну, обтянутому брезентом, заменявшему дверь.
— Войди, — раздался его низкий голос.

Я вошла и встала в почтительном отдалении, держа в руках аккуратно переплетенные листы с таблицами и выводами. — Отчет по складу продовольствия и прогноз обеспечения, генерал.

Он не отрываясь от карты, махнул рукой в сторону стола. Я положила папку перед ним. Он медленно, словно с неохотой отрываясь от стратегических замыслов, отодвинул карту и взял мои бумаги. Минуты шли в тишине, нарушаемой лишь потрескиванием фитиля в лампе. Его желтые глаза скользили по колонкам цифр, останавливались на подчеркнутых мной итогах, на диаграмме расхода. Наконец, он откинулся на спинку, и его взгляд устремился куда-то в пространство за моей спиной, будто он сопоставлял цифры с чем-то известным лишь ему.

— Две недели, — произнес он наконец, без эмоций, просто констатируя факт. — При условии, что завтра не начнется шторм и не смоем дороги. Или не прибудут еще три роты «гостей» с юга. Так?

— Так, генерал, — подтвердила я. — Это оптимистичный прогноз. С учетом текущих... потерь.

Он кивнул. Потом его взгляд вернулся ко мне. В нем не было ни гнева из-за плохих новостей, ни одобрения за хорошую работу. Был только холодный, острый интерес.

— Ну что ж. Цифры налицо. Проблема обозначена. Есть соображения? — спросил он, и в голосе его послышался знакомый оттенок усталой терпкости. — Кроме очевидного «перестать воровать».

Это был мой шанс. И одновременно ловушка. Я знала, что «соображения» – это не просто идеи. Это вторжение в сферу ответственности других, это критика сложившегося порядка, это риск.

— Есть, генерал, — сказала я тихо, но четко. — Но они... требуют системного подхода. И детальной проработки.

— Выкладывай, — приказал он, положив локти на стол и сложив пальцы домиком. Его поза говорила: «У меня есть три минуты. Удиви меня». Сердце заколотилось у меня в груди. Я сделала глубокий вдох.

— Могу я предоставить их в письменном виде? С обоснованиями и расчетами?

Он замер. Его пронзительные глаза, похожие на глаза хищной птицы, усталились на меня с неподдельным, внезапным интересом. Уголок его рта, дрогнул. Это не была усмешка. Это была тень чего-то более сложного – удивления, смешанного с циничным любопытством.

— Письменно? — переспросил он, и в его густом голосе послышались низкие обертоны, похожие на отдаленный гул. — Это... даже интересно. Мало кто из моих сержантов способен связать два слова, а тут – «письменный доклад с обоснованиями». Хорошо. Готовь. Я посмотрю.

В этот самый момент брезент в дверном проеме отдернулся, и внутрь, пропуская за собой струю холодного воздуха, шагнул капитан Дракк. Я невольно вздрогнула и широко раскрыла

глаза. Дракк? Он должен был быть за двое суток пути отсюда, в Крепком Корне, и уговаривать (или заставлять) того самого кузнеца Борка последовать за ним. Дракк, увидев меня, тоже на мгновение застыл, его бугристое лицо отразило легкое замешательство, но он быстро взял себя в руки и вытянулся перед столом генерала.

— Генерал Грот. Отряд вернулся. Задание...

— Вижу, — сухо перебил Грот, его взгляд скользнул с Дракка на меня и обратно.

— Так точно, генерал. Староста упрямылся, но...

Грот махнул рукой, оборвав доклад.

— Позже. Жди распоряжений у штабных палаток.

Дракк кивнул, бросил на меня последний неоднозначный взгляд — в нем читались и досада, и какое-то новое, настороженное любопытство — и ретировался.

Я не выдержала. Вопрос вырвался сам собой, прежде чем я успела обдумать его уместность.

— Генерал... простите. Но разве капитан Дракк не должен был... привезти кузнеца?

Грот посмотрел на меня так, будто я спросила, почему снег холодный. В его желтых глазах мелькнула та самая искорка холодного, почти человеческого цинизма.

— Отменил приказ. Подумал, что одна грамотная «бухгалтерша», умеющая считать ворованные котлы, в данный момент полезнее кузнеца. Тем более, — он слегка наклонил голову, и его голос стал тише, но от этого каждое слово казалось высеченным в камне, — у меня теперь есть его «сестра по клану» в качестве гарантии добросовестности старосты. И твоей, кстати, тоже. Так что не вздумай разочаровать. Вопросов больше нет?

Вопросов был вагон. Почему он изменил решение? Что это означало для меня? Была ли я теперь ценным активом или заложником в более изощренной игре? Но язык не поворачивался спрашивать. Его последняя фраза повисла в воздухе тяжелым, недвусмысленным предупреждением.

— Нет, генерал, — выдохнула я.

— Тогда иди. Готовь свои «письменные соображения». У тебя время до завтрашнего вечера.

Я кивнула и почти бегом ретировалась из блиндажа, чувствуя на спине тяжесть его взгляда. Воздух на улице, морозный и дымный, ударил в лицо, но не принес облегчения. В голове гудело. Он отменил приказ. Из-за меня? Из-за моих подсчетов? Или это была просто новая конфигурация в его расчетах, где я стала чуть более полезной пешкой, чем кузнец Борк?

В своей каморке, при тусклом свете сальной лампы, я отогревала заочевенные пальцы над трубой и смотрела на чистый лист бумаги. Страх отступил, уступив место странному, сосредоточенному волнению. Он ждал от меня не просто жалоб. Он ждал решения. Пусть даже на бумаге. И в этом жестоком, простом мире, где ценность измерялась силой и пользой, это был мой шанс доказать и то, и другое. Не силой кулака, а силой ума. Системы. Того, что я умела.

Я обмакнула перо в чернила генеральской чернильницы и вывела наверху листа четкими, уверенными буквами: «Предложения по оптимизации системы снабжения и распределения продовольствия в лагере «Громадная Крепь»».

Внезапно мой жалкий чулан перестал быть просто убежищем. Он стал штаб-квартирой. А я — его единственным стратегом.

Глава 6.

Сальная лампа догорела почти до конца, а я все еще скрипела пером. Страх и волнение трансформировались в холодную, ясную сосредоточенность. Я не просто писала «соображения». Я строила систему. Хрупкую, из подручных материалов, но систему. И она стояла на трех китах.

Первое: прозрачность. Я предложила ввести простейшие, но обязательные формы учета. Не «на глазок» Шивяка, а конкретные таблицы. Ведомость прихода на склад – в трех экземплярах: один у Шивяка, второй у меня, третий сдается в штаб. Расход по накладным, подписанным не только сержантом роты, но и поваром (Мазгой), и свидетелем-учетчиком (мной или кем-то, кого я обучу). Цифры должны сходиться на каждом этапе, как шестеренки. Раз не сходится – сразу видно, где клинит.

Второе: ответственность. Не абстрактная, а персональная. Каждый котел закрепляется за постоянным поваром (пока это была только Мазга и ее два помощника). Норма закладки вывешивается рядом с котлом на деревянной табличке. Каждый сержант получает талон на довольствие своей роты, с печатью. Нет талона – нет еды. А если в его роте после раздачи начинают роптать на недоклад – первый вопрос к нему самому: принял ли он положенное количество мисок? Контроль переставал быть только моей надоедливой обязанностью. Он становился частью обязанностей каждого.

Третье, и самое рискованное: стимул. Я нарисовала простую диаграмму. Если «утечка» на кухне и складе в течение недели составит менее 5% (вместо текущих 25), то сэкономленное зерно и мясо не отправляются обратно в общий котел. Из них варится «добавка» – более густая похлебка или лишняя порция хлеба. И эта добавка распределяется не поровну, а в первую очередь среди тех, кто работал на самых тяжелых участках: у котлов, на заготовке дров, на ночном дозоре. Пусть видят: честность и экономия приносят пользу не генералу в далеком блиндаже, а им самим, здесь и сейчас. Это был тонкий лед. Я знала, что орки ценят силу и прямоту, а не хитроумные схемы поощрений. Но я рискнула.

Под каждым пунктом я привела расчеты. Сколько ресурсов теряется сейчас. Сколько можно сэкономить. Как это повлияет на сроки обеспечения. Я писала четко, без лишних слов, языком цифр и фактов. Когда закончила, первые лучи зимнего солнца уже пробивались сквозь щель под потолком. Я протерла затекшую шею и перечитала написанное. Это было... стройно. Как доказательство теоремы. И от этого стало немного спокойнее.

Через несколько часов, выпавшись урывками, я снова стояла перед Гротом. Я положила перед ним несколько листов, исписанных аккуратным, бисерным почерком.

— Мои предложения, генерал.

Он взял их и начал читать. На этот раз он не просто пробежал глазами. Он вчитывался. Его толстый палец с грубым ногтем медленно водил по строчкам, иногда возвращаясь назад. Его лицо оставалось непроницаемым, но в уголках глаз собрались мелкие морщины концентрации. Чтение заняло добрых десять минут. Наконец, он отложил бумаги и поднял на меня взгляд.

— Молодец, — произнес он неожиданно. Голос был по-прежнему глуховатым, но в нем не было ни сарказма, ни насмешки. — Работа сделана. Но по ночам надо спать. Твои глаза похожи на две провалившиеся норы барсука. Недосып делает солдата тупым, а счетовода – невнимательным. Будешь ошибаться в цифрах.

Это было так непохоже на привычные грубые окрики, что я на мгновение растерялась.

— Я... я закончила к утру. Хотела, чтобы вы могли ознакомиться в начале дня, — пробормотала я.

— И ознакомился, — кивнул он. Он снова посмотрел на бумаги, ткнул пальцем в раздел про «стимул». — Это... интересно. «Добавка». Ты думаешь, они будут меньше воровать, если увидят, что честность сулит лишнюю миску похлебки?

— Я думаю, они меньше будут воровать, если увидят, что воровство *другого* лишает их лишней миски, — осторожно поправила я. — Это не про благородство. Это про... взаимный контроль. Если все знают норму и видят результат, то тот, кто положит себе лишнее, сделает это не перед слепым складским, а перед всем своим отрядом, который останется без добавки.

Грот хмыкнул. Звук был похож на перекачивание камня.

— Хитро. По-человечьи хитро. Но логика есть. — Он помолчал, разглядывая меня так, словно видел впервые. — А обучать кого-то, чтобы вели учет... Кого ты видишь? Из наших.

Вопрос застал врасплох. Я не думала так далеко.

— Я... не знаю. Кто-то, кто умеет хотя бы складывать. И кто не пользуется большим авторитетом у Мазги или Шивяка. Чтобы был независим.

— «Независим», — повторил он с оттенком горькой иронии. — В моем лагере. Ладно. Это я подумаю. По первым двум пунктам – даю добро. С сегодняшнего дня вводится твоя система с талонами и ведомостями. Шивяку и Мазге объявлю лично. Будут ворчать, но подчинятся. — Он отодвинул стул и встал, его тень накрыла всю стену блиндажа. — А насчет «добавки»... Мы попробуем. На одной кухне. На кухне Мазги. Недельный испытательный срок. Если за неделю потери упадут до твоих пяти процентов – добавка будет. Если нет... — Он не договорил, но смысл был ясен: если нет, моя репутация как полезного советчика потерпит крах.

— Поняла, генерал. Благодарю вас, — сказала я, и в голосе прозвучала неподдельная, сбивчивая благодарность. Он не просто выслушал. Он *одобрил*. Пусть частично, условно, но одобрил.

— Не благодари раньше времени, — буркнул он, но в его тоне уже не было прежней ледяной отстраненности. Было что-то похожее на... деловую вовлеченность. — Иди. Начинай. Бланки для талонов и ведомостей составь сама, покажи мне. И спи сегодня. Приказ.

— Так точно, — почти выдохнула я и, поймав его короткий, едва заметный кивок, вышла.

На улице морозный воздух уже не казался таким враждебным. В голове гудело от усталости, но сердце билось ровно и сильно. Он сказал «молодец». Он дал шанс. И в его последних словах – «составь сама, покажи мне» – звучало не приказание начальника, а поручение соратнику. Пусть младшему, ничтожному, но соратнику.

Мой чулан-штаб ждал. Теперь в нем предстояло наладить производство не только идей, но и первых в истории «Громадной Крепи» учетных документов. Я шла, уже обдумывая, как лучше разлиновать бланк талона, чтобы его сложно было подделать.

Следующие несколько дней слились в один непрерывный поток работы, в котором чувствовался странный, новый ритм.

В первую очередь нужно было создать бланки. Генерал прислал мне пачку грубой, но прочной бумаги и приказал плотнику сколотить небольшой стол, чтобы не писать на коленях. Я израсходовала полдня, выводя линейки и столбцы, стараясь сделать таблицы максимально простыми и понятными даже для того, кто знает лишь несколько чисел. Я придумала систему условных значков: мешок для зерна, кость для мяса, буханка для хлеба. Рядом – цифры. Просто, наглядно, сложно подделать.

Генерал, бросив беглый взгляд на мои чертежи, лишь хмыкнул:

– Сойдет.

И система была запущена.

Началось, как и предсказывал Грот, с ворчания. Шивяк, получив три одинаковые ведомости, смотрел на них, как на магические свитки, и мрачно бурчал, что «бумага все стерпит,

а брюхо нет». Мазга, когда я принесла табличку с нормами закладки для ее главного котла, откровенно скривила морщинистую морду:

— И что, я теперь должна на весах каждую горсть отмерять, как аптекарь?

Но приказ генерала был железным. И медленно, со скрипом, механизм начал работать.

Я стояла у кухни в час раздачи, с моими таблицами и грифельной дощечкой. Сержанты, привыкшие тыкать пальцем в котел и говорить «на моих двадцать здоровяков», теперь должны были предъявлять талон с печатью Грота. Сначала они путались, терялись, пытались «договориться». Но я, помня приказ и чувствуя незримую тяжесть генеральской поддержки, была непреклонна.

— Нет талона — нет еды. Правила генерала.

Эти слова действовали, как ледяная вода.

Самым сложным стал контроль за «утечкой». Я не могла быть везде. Поэтому я начала вести второй журнал — «фактического расхода». Я взвешивала мешок зерна до передачи Мазге и после. Считала количество порций. Разница между «должно быть» и «получилось» была той самой черной дырой. И я каждый вечер приносила эти цифры Гроту. Без эмоций, без жалоб. Просто цифры.

К концу третьего дня разница упала до 15%. К концу пятого — до 10%. Мазга, видя, что ее поварская «вольница» под угрозой, начала следить за своими помощниками сама. Ворчала, но следила. А когда в конце шестого дня я объявила, что потери составили 7%, и «добавка» на пороге, в ее маленьких глазках мелькнул не только злой огонек, но и искорка азарта.

На седьмой день, в час вечерней поверки, я снова стояла перед генералом. В руках — итоговый отчет. Итоговая «утечка» за неделю — 4,8%.

Грот прочитал. Отложил бумагу. Долго смотрел на меня. Его гранитное лицо не выражало ничего.

— Значит, твоя хитрость сработала, — произнес он наконец. — Они увидели связь. Между честностью и наваристой похлебкой.

— Да, генерал. Сегодня вечером на кухне Мазги выдают первую добавку. Для дровосеков и ночного дозора.

— Хорошо, — коротко кивнул он. Потом потянулся к стоявшей в углу деревянной суме, потрепанной и заштопанной. Достал оттуда сверток из плотной, грубо выделанной шкуры. Бросил его на стол передо мной. — Это тебе. С моей прошлой зимовки. Человечья на тебя не найдется, но эта теплая. Ходишь тут, трясешься как осиновый лист, всех заражать будешь.

Я осторожно развернула сверток. Внутри лежал толстый, тяжелый плащ из меха какого-то незнакомого зверя, с широким капюшоном. Он пах дымом, снегом и чем-то диким. Это была не просто одежда. Это был знак. Практичный, суровый, как и все у Грота, но знак.

— Генерал... Спасибо.

— Не за что, — отрезал он. — Холодная бухгалтерша — бесполезная бухгалтерша. И вот что. С завтрашнего дня у тебя появится три ученика. — Он выдержал паузу, дав мне осознать сказанное. — Два молодых орка из обоза. Тупы как пробки, но руки растут откуда надо. И... Грим. Мой старый писарь. Контуженный, глаз кривой, но буквы помнит. Ты научишь их твоим таблицам, значкам и счету. Чтобы они могли вести учет на других точках. Понятно?

Меня охватила смесь паники и гордости. Ученики. Мне, человечке, доверяли учить орков.

— Понятно, генерал. Я... я сделаю все, что смогу.

— Знаю, что сделаешь, — сказал он, и в его голосе снова прозвучала та странная, деловая вовлеченность. — И еще. Велел баню поставить. Рядом с кузницей. Раз в неделю можешь пользоваться. Без очереди.

От этого я онемела полностью. Баня в оркском лагере была немыслимой роскошью. Привилегией для самых высоких чинов.

— Генерал, я... не знаю, что сказать... — Ничего не говори, — буркнул он, отводя взгляд к карте. — Просто работай. Иди.

Я вышла, прижимая к груди теплый плащ. Вечер был по-зимнему суров, но внутри горел странный, спокойный огонь. Я прошла мимо кухни, где уже раздавали ту самую «добавку». Орки дровосечной команды, получая густую, дымящуюся миску, ухмылялись и покрикивали что-то Мазге. Та отбивалась поварешкой, но в ее ворчании уже не было прежней злобы.

Я отошла на край лагеря и укуталась в плащ, под которым было тепло и уютно. Когда же я подошла к двери в свою каморку, на пороге меня уже ждала Мазга с миской похлебки.

— На, человечка, подкрепись, — сказала она, суя миску мне в руки. Потом оглянулась и понизила хриплый голос. — Ну ты даешь. «Добавку» выбила. Теперь эти оболтусы за мной, как голодные щенки, следят, чтобы я зря зерна не просыпала. — Она фыркнула, но в ее взгляде читалось смутное уважение. — И шубу генеральскую, смотрю, принесла. Баню тебе, слышала, велел ставить. — Она прищурилась, и по ее морщинистому лицу поползла ухмылка, полная орковского, грубоватого юмора. — Ой, девица, да он, кажись, к тебе равнодушен стал. Вон как на всех рычит, чтобы к тебе лишний раз не приставали. Бережет свою единственную грамотную «бухгалтершу».

Я покраснела до корней волос, чувствуя, как жар разливается по щекам.

— Мазга, перестань! Он просто... ценит пользу.

— Ага, «пользу», — протянула старуха, подмигивая. — Ну ладно, не кипятись. Спи. Завтра с твоими-то учениками намучаешься еще. — И, громко хохотнув, она поплелась обратно к своим котлам.

Я зашла в свою каморку, теперь уже не просто штаб-квартиру, а место, где мне предстояло стать учителем. Положила плащ на лежанку. Его шершавая поверхность казалась невероятно ценной. Это была не ласка. Это было признание. Вернее мне очень хотелось в это верить. Не знаю почему, но отчего-то мне этот генерал стал очень даже симпатичен. Может со мной что-то не так?

Глава 7.

Мои ученики явились на следующее утро, как и обещал генерал. Два молодых орка из обоза – Брук и Гронк – были похожи на два неповоротливых, смущенных булыжника. Они переминались с ноги на ногу, избегая моего взгляда, их мозолистые лапы казались созданными для таскания мешков, а не для выведения букв. Третий, Грим, был полной их противоположностью. Старый, сутулый, с бельмом на левом глазу и шрамом, рассекающим лоб. Он стоял неподвижно, глядя на меня своим единственным, пронзительно-ясным правым глазом. В его потрепанной куртке угадывались следы когда-то иного статуса.

«Ученики», — подумала я с приступом отчаяния. Как я, с трудом поддерживающая шаткий авторитет, смогу учить кого-то?

«Просто начни», — сказал мне внутренний голос, звучавший подозрительно похоже на низкий, глуховатый бас Грота.

Я глубоко вздохнула.

— Меня зовут Каролина, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твердо. — Генерал поручил мне научить вас вести учет. Это важно. От этого зависит, будет ли в котлах густая похлебка или пустая бурда.

Брук и Гронк переглянулись. Грим лишь кивнул, не сводя с меня глаза.

Первым делом я раздала им грифели и гладкие каменные плитки для письма. На большой доске, сделанной из отполированного щита, я нарисовала свои значки: мешок, кость, буханку. Потом – цифры от одного до десяти. Объясняла медленно, по слогам, как детям. И обнаружила неожиданное.

Брук и Гронк действительно были туги на подъем. Их пальцы не слушались, цифры получались корявыми, а значок мешка они упорно путали с горой. Но они старались. Из всех своих немалых сил. Видно было, что приказ генерала для них – закон, высеченный в камне. А когда я, в отчаянии, принесла и показала им реальный крошечный мешочек наполненный зерном, в их глазах что-то щелкнуло. Оказалось, они мыслят не абстракциями, а предметами. С этого момента дело пошло лучше.

Грим же был другим. Он схватывал на лету. Буквы он помнил, цифры тоже. Его проблема была в другом – в недоверии. Он смотрел на мои таблицы, на систему значков, и в его единственном глазу читался скепсис старого солдата, выдавшего всякие «новации». Он молча выполнял задания, безупречно и быстро, но без огонька.

Я поняла, что должна не только научить и натренировать их руки, но и, в случае Грима, уважение. Я стала привлекать их к реальной работе. Мы вместе взвешивали мешки перед кухней, вместе считали порции. Брук и Гронк, чувствуя свою причастность к «важному делу», расправляли плечи. А Грим, увидев, как его безупречные записи в журнале тут же влияют на расчет «добавки» для дозора, начал оттаивать. Как-то раз, когда я возилась с заевшим замком на складе, он молча взял у меня из рук ключ, ловким движением поправил механизм и вернул его.

Генерал вызывал меня раз в два-три дня. Спрашивал коротко:

– Как успехи?

Я никогда не жаловалась. Не говорила, что Брук трижды ломал грифель от нажима, а Гронк путал «пять» и «семь».

Я говорила:

– Учатся. Грим делает успехи. Брук и Гронк начали понимать связь между записью и пайком.

Грот кивал, его каменное лицо ничего не выражало, но я замечала, как его взгляд на мгновение смягчался, когда я сообщала о малейшем, даже призрачном прогрессе. Он ценил результат, а не оправдания.

Однажды вечером, когда я принесла сводку по потерям (они стабильно держались на уровне 5%), он не отпустил меня сразу. Он стоял над картой, разложенной на большом столе. Карта была испещрена непонятными мне значками, стрелами, зарубками.

— Подойди, — сказал он неожиданно. Я подошла, стараясь не дышать. — Видишь? — его толстый палец ткнул в точку, обозначающую, как я поняла, «Громадную Крепь». — Здесь мы. А здесь, — палец двинулся на северо-запад, к рисунку горного ущелья, — отряд клана «Острозубов». Сидят, гады, в узком проходе. Как к ним подступиться? Штурм в лоб – положишь половину отряда. Осада – у них запасов надолго, а у нас время поджигает.

Я смотрела на карту, сердце колотилось где-то в горле. Это был тест. Совсем другого уровня.

— Они... они контролируют только этот проход? — осторожно спросила я.

— Да. Скалы с двух сторон, как стены. Шириной – двадцать человек в ряд не пройдут.

В голове, привыкшей искать закономерности и слабые места в системах, начали крутиться обрывки знаний из старых книг, исторические события моего мира.

— А что... что у них над ущельем? Наверху, на скалах?

Грот нахмурился.

— Обрыв. Голая каменная плита. Никто там не стоит. Зачем? Не подступиться.

— А если... не подступаться, — сказала я медленно, чувствуя, как мысль обретает форму. — А если заставить их *самых* уйти?

Генерал уставился на меня.

— Как?

— Вы сказали, у них запасов надолго. Но запасы – это не только еда. Это... дрова для костров, чтобы не замерзнуть в горах. Вода для питья. — Я провела пальцем по карте, вдоль линии ущелья. — Если они в узком месте, то их лагерь, наверное, тоже тесен. Все склады, костры, табуны выючных ящеров – все рядом. Скученно. Я подняла на него взгляд, видя, как в его глазах загорается холодный, хищный интерес. — Что, если устроить... не штурм, а пожар? Сверху. — Мой палец ткнул в «голую каменную плиту» над ущельем. — Поднять туда несколько лучших лучников, не для стрельбы по воинам, а с зажигательными стрелами. Не в людей, а в их запасы дров, в сено для ящеров, в растянутые кожи палаток. В сухую пору, когда ветер дует вдоль ущелья. Они окажутся в ловушке. Снизу ваши воины блокируют выход. А сверху на них обрушится огонь и дым. Паника, хаос. Им придется либо сгореть, либо бросить укрепленную позицию и пойти на прорыв. А на прорыве, на открытой местности, ваша дисциплина и численность дадут преимущество.

Я замолчала, испуганная собственной смелостью. Это был каверзный, почти подлый план. Не благородная битва, а расчетливая диверсия, игра на их уязвимости. Грот молчал. Он смотрел то на карту, то на меня. Его лицо было маской. Потом он медленно, очень медленно, кивнул.

— Огонь и дым, — пробормотал он. — Заставить их самих сломать свою оборону. — Он посмотрел на меня. В его взгляде не было ни осуждения, ни восторга. Была переоценка. — Ты думаешь не как воин. Ты думаешь как... инженер. Ломаешь систему, а не бьешь по стене.

— Это... это всего лишь идея, — поспешно сказала я. — Я могу ошибаться.

— Возможно, — согласился он. — Но идея имеет право на проверку.

— Он свернул карту. — Иди. Учеников своих учи. И... держи язык за зубами. Ни слова об этом.

— Так точно, генерал.

На улице я остановилась, прислонившись к холодной стене барака. Во рту пересохло. Он выслушал. Он *серьезно* обдумывает мой план. Безумный, жестокий план, рожденный не на поле боя, а за кухонным котлом и бухгалтерскими таблицами.

Возвращаясь к себе, я увидела Грима. Он ждал меня у входа в каморку, держа в руках свои каменные таблички с безупречными колонками цифр.

— Ну что, учительница? — хрипло спросил он. — Проверим? Я кивнула, заходя внутрь. Взгляд упал на теплый плащ, аккуратно сложенный на лежанке. На простую, но прочную мебель. На баню, что топили раз в неделю специально для меня.

«Он просто ценит пользу», — попыталась я убедить себя снова. Но теперь это звучало слабее. Он ценил не только пользу. Он ценил *мышление*. И в этом холодном, жестоком мире его уважение, пусть молчаливое и суровое, грело сильнее любого меха. И это пугало еще больше, чем его гнев.

На следующее утро лагерь загудел по-другому. Негромкий, но ощутимый рокот, как перед грозой. Я вышла из своей каморки и увидела, как отряды строились быстрее обычного, оружейники лихорадочно точили клинки, а к дымящейся кузнице подгоняли упряжных ящеров.

Мой план. Он решил его проверить. Сейчас.

Сердце ушло в пятки, а в горле встал ком. Вдруг я ошиблась? Вдруг ветер поменяется и огонь перекинется на наших? Вдруг «Острозубы» окажутся хитрее и устроят западню? Вдруг из-за моей «гениальной» идеи погибнут десятки орков?

Я попыталась уйти в работу, вгрызться в цифры, но пальцы дрожали, и я трижды писала не ту цифру. Грим, проверяя складской журнал, молча взял у меня из рук грифель, исправил ошибки и сунул его обратно.

— Дрожишь, счетоводша, — констатировал он без эмоций. — Чай, не из-за утреннего холода.

Брук и Гронк, обычно такие сосредоточенные на своих каменных плитках, сегодня тоже были не в себе. Они перешептывались, кивая в сторону собиравшегося отряда.

— Говорят, сам генерал ведет, — пробурчал Брук.

— На «Острозубов», — добавил Гронк, и в его голосе звучало не столько волнение, сколько суеверный страх. — Те — чертовы упрямы. В скалах как горные козлы.

Я ничего не могла есть. Даже когда Мазга, хмуро оглядев меня с ног до головы, сунула в руки миску с особенно наваристой похлебкой.

— На, выпей, согрейся, — буркнула она. — Видок у тебя, будто на тот свет собралась. Чего нервничаешь? Генерал в поход ушел, обычное дело.

Она не знала. И я не могла сказать. Приказ «держат язык за зубами» жёг мне губы.

— Я просто... переживаю, — с трудом выдавила я. — Чтобы все вернулись. Мазга прищурила свои маленькие глазки, оценивая меня осматривая.

— Гм. Раньше-то не переживала, когда он уходил. Ага. — Она протянула «ага» многозначительно, и ухмылка поползла по ее морщинистому лицу. — Ладно, не томи душу. Я-то видала, как он перед уходом к тебе заходил. Что-то шептали, головой качали... Дело, значит, не только в бухгалтерии. Я покраснела и опустила взгляд в миску.

— Мазга, пожалуйста...

— Тихо, тихо, — отмахнулась она, но ухмылка не сходила с ее лица. — Знаешь что? Этот булжик с рогами (она никогда не называла Грота иначе) — старая гончая. Чутьем берет. И если он твоим словам внял, значит, в них толк был. А уж вывернуться из передрыги... Да он из таких дыр выбирался, куда солнце не заглядывало, и при том целым и невредимым. Еще подростком, слышала я, на пещерного тролля с одной рогатиной ходил — и жив остался. Так что свои нервы береги, человечка.

Ее слова, грубые и полные суеверной уверенности, немного успокоили. Но не до конца.

Вечером, когда лагерь погрузился в тревожное ожидание, ко мне подошел Грим. Он принес два деревянных кубка и кожаную флягу с чем-то крепко пахнущим.

— Выпьешь? — просто спросил он, ставя кубки на стол.

— Я... не пью, — слабо возразила я.

— Сегодня выпьешь, — сказал он не терпящим возражений тоном и налил мутноватой жидкости. — За успех предприятия.

Я взяла кубок. Пахло дымом и кореньями.

— Вы знали, куда и зачем он ушел? — не удержалась я. Грим отхлебнул из своего кубка, поморщился.

— Догадывался. Видел, как он карты смотрел после вашего разговора. Видел, как отбирал лучших лучников, а не берсерков. — Он посмотрел на меня своим кривым, но пронзительным взглядом. — Твой план, значит?

Я молча кивнула, сжимая кубок так, что костяшки пальцев побелели.

— И я боюсь. Боюсь, что из-за меня...

— Перестань, — отрезал Грим. Его голос, обычно хриплый, на мгновение стал твердым, как сталь. — Генерал Грот не мальчишка, чтобы на первую попавшуюся удочку клевать. Он выслушал, взвесил, решил. Ответственность — на нем. Ты дала инструмент. Как он им воспользуется — его дело. А уж если взялся... — Грим снова отхлебнул. — ...значит, шансы хороши. Я при нем со времен битвы у Кипящей Реки служу. Когда контузию получил. Так вот. Он не бросается на амбразуру. Он ее или обходит, или разбирает по камушкам. Твой план... он как раз про «разобрать». Ему это по нраву.

Я сделала маленький глоток. Жидкость обожгла горло, но внутри разлилось тепло, прогнав ледяную дрожь.

— Спасибо, Грим.

— Не за что, учительница, — буркнул он. — Завтра, глядишь, и праздник будет.

Он ошибся лишь в сроке. Генерал вернулся не на следующий день, а через два. Под вечер.

Сначала мы слышали отдаленный, но раскатистый рев. Не боевой клич, а нечто иное — ликующее, победное. Потом в лагерь вкатилась колонна. Не было того угрюмого, поредевшего строя, что обычно возвращался после тяжелой стычки. Орки шли с поднятыми головами, перекрикивались, размахивали трофейным оружием. Многие были в саже, у некоторых опалены бороды и брови, но в глазах горел огонь триумфа.

А потом я увидела его. Грот ехал в голове колонны на своем огромном боевом ящере. Его плащ был покрыт пеплом, на наплечнике зияла свежая вмятина, но он сидел в седле прямо, как скала. Его взгляд, тяжелый и оценивающий, медленно скользил по лагерю — и на мгновение остановился на мне. Я застыла у порога своей каморки, вцепившись в косяк.

Он кивнул. Один раз. Коротко. И проехал дальше, к своему штабу.

А лагерь взорвался. Похлебку в тот вечер варили не из расчетной нормы, а «до упора». Вытащили бочку с темной, густой брагой. Забили самого упитанного ящера из обоза. Начался пир.

Я сидела в стороне, наблюдая за всеобщим весельем, все еще не веря, что кошмар миновал. И тут ко мне протиснулся сержант с перевязанной рукой и сунул в ладони огромную, обгорелую с краю, но целую булку еще теплого хлеба.

— От Мазги! Говорит, «той, что умная»! — рявкнул он и, не дожидаясь ответа, растворился в толпе.

А позже, когда пир был в самом разгаре, и тень от костра плясала гигантскими прыжками по стенам крепости, генерал снова появился. Он прошел через толпу, которая расступалась перед ним с немым, пьяным почтением, и остановился прямо передо мной. Шум вокруг мгновенно стих. Сотни глаз уставились на нас.

Грот был без шлема, его лицо, покрытое слоем сажи и пота, казалось еще более суровым. Он смотрел на меня, и в его глазах не было ни привычной каменности, ни скрытой насмешки. Была усталость, удовлетворение и что-то еще... Признание.

— Каролина, — произнес он, и его голос, обычно глухой, прозвучал на удивление ясно, так что его услышали все вокруг. — Твой план сработал. Огонь и дым сделали свое дело. Мы взяли ущелье. Потери — минимальные. Он сделал паузу, давая словам просочиться в сознание всей этой оравы. Потом добавил, и в его тоне прозвучала та самая, редкая, деловая вовлеченность, окрашенная теперь оттенком уважения: — Спасибо. Если б не твоя хитрость, неизвестно, чем бы все кончилось. Или сколько бы жизней стоил тот проход.

И он, генерал Грот, гроза кланов, просто и без пафоса поклонился передо мной. Неглубоко, но достаточно.

В лагере воцарилась гробовая тишина, а потом его прорвал один-единственный, оглушительный рев — ликующий, одобрителный. Ко мне хлынули орки, хлопали по плечу (так, что я едва устояла на ногах), совали в руки кубки, тыкали пальцами в обгорелый хлеб и что-то кричали. И сквозь этот хаос я видела, как Мазга, стоя у своего котла, кивала мне с одобрителной ухмылкой. Видела, как Брук и Гронк, размахивая кружками, кричали что-то вроде «Наша учительша!». Видела, как Грим, прислонившись к столбу, поднял в мою сторону свой кубок и едва заметно улыбнулся своим кривым ртом.

А генерал, произнеся свою речь, уже отходил назад, в тень. Но его взгляд еще раз встретился с моим. И в этот раз в его каменных глазах я увидела не просто оценку полезности. Я увидела что-то вроде... товарищества по оружию. Пусть оружие было не меч, а мысль. Но в его мире это, видимо, ценилось ничуть не меньше.

Я стояла, сжимая в руках теплую, обгорелую булку, под оглушительные крики победившей, и понимала — что-то изменилось. Навсегда. Я больше не была просто «грамотной чело-вечкой» или «бухгалтершей». Я стала своим. Соавтором этой победы.

Глава 8.

Пир гремел до рассвета, но даже когда последние гуляки рухнули в своих палатках, в лагере витало новое, непривычное чувство – предвкушение покоя. На следующее утро отсыпались, но работы шли вяло, с пьяной ленцой и постоянными переходами в воспоминания о победе. Мне было проще: я с головой ушла в проверку трофейных списков, которые привезли с ущелья. Цифры успокаивали.

Постепенно лагерь пришел в себя. Теперь судачили не о пр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.